

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ОПИСАНИЯХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ

ВИННИЧЕНКО · МОГИ-
ЛЯНСКИЙ · ДОРОШЕНКО
ДЕНИКИН · ЛУКОМ-
СКИЙ · ГУРКО · МЯКОТИН
ГОЛЬДЕНВЕИЗЕР · МАР-
ГОЛИН · ЧЕРИКОВЕР и ДР.

СОСТАВИЛ С.А.АЛЕКСЕЕВ

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый сборник составлен по тому же типу, как и отдельные томы нашей серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев», и отличается от них только своим содержанием: он составлен из отдельных произведений зарубежной мемуарной литературы (русской и украинской) и в общем охватывает весь период революции и гражданской войны на Украине.

Отзывы советской печати о названной нашей серии сходятся в том, что белогвардейские публикации безусловно должны быть использованы как нашей исследовательской и популярной исторической литературой, так и широкой советской читательской массой. Для этой последней главная ценность названных публикаций — не в том, что они дают исторический материал, отсутствующий в советской печати, а в том, что они разоблачают классовую и политическую природу белогвардейщины, ее гниль и разложение, подчас с большей убедительностью, чем кто бы то ни было другой.

Украина эпохи гражданской войны представляет чрезвычайно высокий интерес для исторического изучения, так как ни в одной из других областей бывшей Российской империи мы не наблюдаем такого множества и разнообразия сменявших друг друга в эту эпоху политических режимов, в частности белогвардейских, как именно здесь. К сожалению, не все они оставили о себе одинаково ценные исторические документы. В частности чрезвычайно скудны и даже почти отсутствуют в зарубежной печати материалы об одном из характернейших явлений украинской революции — партизанщине и бандитизме¹; а между тем, эти последние в течение всего периода с 1918 по 1921 г. держали вне большой дороги украинской революции ряд отдельных местностей и районов, в которых хозяйствовали свои временные владыки. По этой причине и в нашем томе отсутствуют материалы этого рода (исключая статьи Игренева, рисушей, между прочим, любопытный эпизод пребывания Махно и махповцев в Екатеринославе). Сверх того в сборник почти вовсе не включены материалы о денкищине, достаточно освещенной и для Украины в последнем томе 5-томной серии (Алексеев, С. А., сост., Денкиши, Юденич, Врангель. Госиздат, 1927 г.). Единственным исключением является статья Гольден-

¹ Если не считать такого рода лживых апологетических «сочинений», как, например, анархистская брошюра Аршинова о Махно, использование которой для нашего сборника было бы невозможно, так как она потребовала бы слишком обширных оговорок и комментариев.

вейзера, дающая возможность читателю ориентироваться в общем ходе событий на Украине. В этой статье сохранена и та часть, которая посвящена денкинщине.

Весь материал сборника расположен приблизительно в хронологическом порядке событий, которым он посвящен. Как и в названной серии, и в настоящем сборнике из некоторых статей удалены описания периодов советской власти на Украине, так как эти периоды достаточно освещены в советской исторической литературе. Сверх того, в интересах сбережения места допущены некоторые сокращения за счет многословия или излишних подробностей в описании малозначительных событий. Вставки, сделанные для связи речи составителем взамен опущенного материала, заключены в прямые скобки [] .

Центральное место в сборнике занимает статья Винниченко «Из истории украинской революции», впервые появляющаяся на русском языке (в переводе составителя). Из всего материала предлагаемого сборника статья Винниченко представляет, несомненно, наибольший интерес, и потому мы остановимся на ней в первую очередь. Остальной материал всего удобнее будет рассмотреть в хронологическом порядке описываемых событий.

Статья Винниченко посвящена главным образом как раз тому периоду этой революции, когда автор стоял в самом центре событий, возглавляя так называемую «Директорию». О событиях, представляющих выдающийся исторический интерес, нам рассказывает, таким образом, их непосредственный участник и, отчасти, руководитель; это-то и придает главный интерес его рассказу. Необходимо при этом иметь в виду, что книга Винниченко написана в тот период, когда ее автор считал себя стоящим весьма близко к коммунизму. Поэтому автор направляет жало своей критики главным образом против контрреволюционной политики Директории (которую сам же он и возглавлял) и петлюровщины. Это до некоторой степени увеличивает ценность статьи для советского читателя. Однако своей критикой автор разоблачает не только петлюровщину; он раскрывает перед нами и самого себя, как мелкобуржуазного демократа, который, несмотря на все свои потуги изобразить себя сторонником советской системы, на деле остается в самом кровном родстве с опорачиваемой им петлюровщиной. И каждому, прочитавшему статью Винниченко, становится понятным, почему этот политик, занявший через несколько месяцев после выхода своей книги пост заместителя председателя Совнаркома Украины, тотчас же бежал с этого поста, не будучи в состоянии примириться с подлинным советским строем.

Несмотря на всю свою критику Директории, автор далеко не остается объективным историком в описании ее деяний. Начнем с самого восстания, поднятого Директорией против гетмана в половине ноября 1918 г. Автор усиленно старается доказать, что не Петлюре принадлежит честь инициативы этого восстания, а всей Директории, которую он, Винниченко, возглавлял. Рассказ о

том, каким образом «возглавил» движение и попал на короткий исторический миг в «герои» Петлюра, тайком от своих друзей уехавший в Белую Церковь и выпустивший от своего имени «универсал», весьма живописен и дает должный колорит фигуре этого авантюриста.

Но, развенчивая Петлюру и выдвигая на первый план Директорию, Винниченко весьма кстати для этой Директории «забывает» о главной исторической силе в возрождении революционного движения на Украине, придушенного гетманом и немецкими оккупантами (которые были ведь приглашены—напомним кстати—политическими друзьями Винниченко): мы говорим о большевистской партии. Винниченко, стоявший почти в течение двух лет в центре политической жизни Украины, близко знавший советских деятелей в стране и одно время сам не чуждый «советской идеи» (хотя бы и «исправленном» и «дополненном» ее издании), не мог, конечно, не знать, что ни немцам, приглашенным его политическими единомышленниками, ни посаженному немцами гетману не удалось уничтожить большевизм на Украине. Уже на первомайской демонстрации 1918 г. в Киеве развевались знамена с лозунгом «Да здравствует власть советов!» Значительная часть Всеукраинского съезда профсоюзов в Киеве (май 1918 г.) голосовала за большевистскую резолюцию. Тогда же в Киеве, оторванном от ЦК РКП, организуется Временный всеукраинский ЦК коммунистической партии (независимо от центра, образованного Таганрогским совещанием). Летом 1918 г. состоялся в Москве I съезд КП(б)У, избравший постоянный ЦК. На Украине партия существовала, разумеется, в подполье, но политическое влияние ее на пролетариат, как и повсюду в районах белогвардейской оккупации, было огромно. Партией был организован центральный повстанческий комитет, была широко раскинута сеть местных повстанческих комитетов, притом—и это главное—не только в городах, но и в деревнях. Один только Киевский областной комитет большевистской партии имел организованные партизанские отряды в Богуславском, Каневском, Таращанском, Радомысловском и др. уездах. Еще важнее то, о чем свидетельствует член подпольного областного комитета т. Майоров: «Сами по себе возникали отряды в селах,—говорит он,—и они командировали своих представителей в Киев для связи с большевиками». («Из истории революционной борьбы на Украине». Киев, 1922. Стр. 85. Разрядка наша.) «В Киев приходили крестьяне на явочные квартиры в союз портных... связаться с Ревкомом. В Брусилловском районе существовали партизанские отряды крестьян. Они знали, за кем идти,—они шли за большевиками, а сторонники Петлюры никакого успеха не имели, несмотря на то, что они заявляли, что Петлюра—тоже за советскую власть. Все движение шло под флагом большевиков» (там же, стр. 87. Разрядка наша). Движение шло под флагом большевиков как раз в то время, когда, по

свидетельству самого Винниченко, о Петлюре украинское крестьянство не имело никакого представления.

Движение нарастало с такой силой, что на августовском совещании парторганизаций и губ. ревкомов, созванном Киевским областкомом и собравшем представителей Киевской, Подольской, Волинской, Черниговской и Полтавской губерний, было решено немедленно начать восстание.

Восстание действительно произошло в августе в ряде пунктов Подольской, Киевской и Черниговской губерний, его политическим вождем был молодой ЦК КП (б) У, но оно было раздавлено германскими штыками. И как раз остатки поднявших восстание партизанских отрядов Киевщины и Черниговщины, ушедшие из-под ударов германских оккупантов, организовались на русско-украинской границе в 1-ю украинскую дивизию под командой вождя восстания на Черниговщине, украинского большевика Крапивянского.

Неудача восстания не остановила подпольной работы большевиков на Украине по подготовке нового восстания с целью свержения гетмана. К той же цели стремились и украинские националисты. Однако работа КП (б) У и работа украинских националистов проходила в далеко не равных условиях. Тогда как за загнанными в подполье большевиками охотились как германская, так и гетмановская контрразведки и прятали их в тюрьмы, будущий «головный атаман» Директории Петлюра и будущий председатель первого совета министров «Украинской народной республики» Чеховский как раз незадолго до поднятого Директорией восстания были выпущены из тюрьмы, а будущий глава Директории Винниченко (как он сам рассказывает в другой части своей книги) был вхож к гетману и вплоть до самого восстания вел с ним дружеские беседы. Несмотря на такое неравенство условий, большевистский повстанческий отряд в Киеве в момент поднятого Директорией восстания представлял настолько солидную силу, что глава петлюровского штаба в Киеве полк. Капкан именно к большевистской организации обратился с предложением о совместном выступлении в гетманской столице после того, как восстание уже вспыхнуло в Белой Церкви. Киевские большевики отвергли сотрудничество с Директорией, не желая вытаскивать для нее своими руками каштаны из огня и не раскладывая, после поражения августовского восстания, достаточными силами, чтобы сбросить вместе с гетманом и Директорию.

Обо всей этой подпольной работе украинских большевиков, о подготовленных ими повстанческих отрядах в украинской деревне, о популярности, которой пользовалось слово «большевик» в среде украинского крестьянства, наконец, об огромной роли, которую сыграли в распространении восстания возвратившиеся в деревню украинцы-фронтовики, с гордостью называвшие себя «большевиками», обо всем этом не может не знать Винниченко, но обо всем этом он предпочитает умалчивать для того, чтобы тем удоб-

нее можно было в дальнейшем изображать большевистскую работу на Украине, организацию и борьбу украинского советского правительства, как дело рук «русских» большевиков, вдобавок еще и зараженных русским национализмом.

Когда Петлюра и его компаньоны подняли восстание в Белой Церкви, то образованные украинскими большевиками крестьянские повстанческие комитеты и организованное ими крестьянство, естественно, стали стекаться в Белую Церковь, чтобы свергнуть гетмана и оккупантов, тем более, что Петлюра распускал слухи через своих агентов, что и он—тоже сторонник «радянской власти» (советской власти). Именно этим и объясняется то обстоятельство, что 50-тысячная крестьянская армия «головного атамана» Петлюры вступила в Киев под «большевистскими» красными знаменами, а на этих знаменах так удивляли обывательскую публику чисто большевистские надписи: «За владу Рад», «За радянску владу» и т. п. Петлюра и прочие «вожди» повстанцев, очевидно, сознавали, что для такой армии желтоблакитное знамя, объединявшее Директорию с гетманом, было бы лишь знаменем контрреволюции и панщины. Все это опять-таки прекрасно известно Винниченко, но обо всем этом он столь же благоразумно умалчивает, так как, расписываясь в столь горячих своих симпатиях к системе советской власти, он ни на минуту не упускает из виду своей главной цели: представить большевизм и советскую власть на Украине (в ее исторической реальности, а не в винниченковской фантазии) как дело русских коммунистов, вдобавок, не освободившихся от великодержавных и националистических замашек.

Присмотримся несколько поближе к аргументации Винниченко:

«Название «петлюровец»,—пишет он,—во время борьбы с большевиками (т. е. во время советской революции на Украине в январе—феврале 1918 г.—С. А.) носило специфический, контрреволюционный характер, а имя Петлюры слыло в среде революционных элементов, особенно же пролетариата, как имя заведомого контрреволюционера. И это вынуждало наиболее сознательные и революционные элементы относиться к нашему движению с большой сдержанностью и осторожностью».

Итак, по признанию самого Винниченко, среди украинского населения, «особенно же пролетариата», слово «петлюровщина» уже «во время борьбы с большевиками» стало синонимом контрреволюции. Что же противопоставлялось этой контрреволюции в сознании украинских масс, как революция? Ответ ясен из приведенных слов Винниченко: подлинной революцией массы считали большевистское движение, украинскую советскую революцию. Вот почему украинская Центральная Рада—политические единомышленники Винниченко—не нашла ни одного стойкого полка, чтобы противопоставить его этой советской революции; вот почему она с такой позорной поспешностью укрылась от штыков своего собственного народа под защиту германских штыков.

Правда, тогда была петлюровщина, а теперь ведь началось «наше движение», движение виинниченковской Директории. Однако

не напрасно сам Винниченко описывает начало этого движения как «начало петлюровщины». А на дальнейших страницах Винниченко весьма убедительно доказывает, что движение, начавшееся как петлюровщина, продолжалось и развивалось,—конечно, вопреки его, Винниченка, желаниям и стараниям,—тоже как петлюровщина, как атаманина, как подлинная контрреволюция; как петлюровщина и контрреволюция оно и закончилось и с тем же именем отошло в историю.

Совершенно естественно, что эту повторную петлюровщину,—петлюровщину Директории,—постигла совершенно та же судьба, что и ее первое издание—петлюровщину Центральной рады: революционные массы Украины, вовлеченные Петлюрой и петлюровскими Винниченками посредством обмана, красными знаменами и «радянскими» лозунгами, в борьбу за петлюровское дело, повернули свои штывы против петлюровщины, как только распознали обман. Сам же Винниченко повествует нам, как и почему это произошло:

«Инициаторы предвидели,—говорит он,—что главной силой революционного движения будет сельский и городской пролетариат. И действительно, повстанческая армия пополнялась главным образом пролетарским элементом... В городах же и местечках активной инициативной силой были, разумеется, рабочие как украинские, так и иных национальностей. Само собой разумеется, что этот элемент не мог удовлетвориться теми неопределенными лозунгами, которые выставлялись Директорией, и «самочинно» начал их расширять, организуя повсюду революционные комитеты, носившие преимущественно характер советской власти».

Итак, основной силой движения были пролетарские элементы. Естественно, что эти элементы тотчас после победы стали «самочинно» строить советскую власть.

Надо обладать поистине всею беспринципностью мелкого буржуа, чтобы после всего этого изображать советскую власть и советское правительство на Украине как выдумку русских большевиков, а вторую украинскую пролетарскую революцию—как падение «националистического» пятаковского правительства на революционную украинскую Директорию.

Самого себя Винниченко, разумеется, старается изобразить как подлинного революционера и даже «почти» большевика, правда, сторонника «национальных украинских рук» в деле строительства украинской «государственности». Он всячески старается огородиться от петлюровщины. Однако в этом деле он достигает отнюдь не большего успеха, чем какого в свое время достиг Керенский в своих стараниях отгородиться от корниловщины.

«Даже с точки зрения «исключительно национально-государственной позиции» всякому «более или менее дальноразорному политику должно было быть ясно, что логическое развитие движения приведет к большевизму и что в интересах украинской государственности необходимо не упускать инициативы из своих рук, необходимо обеспечить себе заранее украинский характер той власти, которая неминуема должна прийти».

Как мы видели, по словам самого Винниченко, советская власть устанавливалась немедленно и «самочинно» пролетарскими элементами украинского города и украинской деревни повсюду, где они побеждали. Теперь он заявляет, что самое развитие этого украинского революционного движения «неминуемо» должно привести к большевизму. Спрашивается, для чего же Винниченко так старался «обеспечить себе (?) заранее» тот «украинский характер» власти, которым она и без того обладала на все 100 процентов, поскольку она «самочинно» создавалась украинскими пролетарскими элементами?

Смысл этих своих стараний раскрывает нам сам Винниченко подробным изложением той политической программы, которую он придумал и предложил Директории в противовес петлюровщине. Как оказывается, Винниченко стал не больше и не меньше как сторонником «системы советской власти»:

«Предвидя, что сдержать это движение (т. е. движение в пользу установления советской власти.—С. А.) невозможно..., зная, что движение неминуемо захватит наши массы, что оно сотрет нас, если мы будем ставить ему препятствия, а с другой стороны не желая выпустить инициативы и руководства из национальных украинских рук, я еще в Фастове поставил перед Директорией вопрос о принятии системы советской власти на Украине... Этой социальной смелостью мы привлекли бы на сторону украинского национального возрождения таких активных и сильных сторонников, как пролетариат деревни и города. Становясь на почву советской власти, мы лишили бы русских большевиков возможности выступить против нас и стремиться к захвату власти... Сверх того, будучи введена по инициативе и по указаниям самой Директории, советская власть могла бы быть организована по такому принципу, чтобы ее национальный украинский характер сохранился в полной мере и чтобы от этого дело нашего национального возрождения и нашей государственности не пострадало».

Итак, советскую систему Винниченко противопоставляет украинскому национальному возрождению, как он его понимает. Для того чтобы уничтожить противоречие между ними, для того чтобы «привлечь на сторону» такого «возрождения» пролетариат деревни и города, наконец, для того чтобы движение в пользу советской власти не стерло «нас», Винниченко предлагал осуществить советскую систему «национальными украинскими руками», не подпуская, очевидно, к этому делу ни русских, ни—боже упаси—евреев, и сверх того осуществить «по указаниям Директории». Так думал Винниченко лишить «русских большевиков» возможности «стремиться к захвату власти».

Мы видим, что «советская система», осуществляемая «национальными украинскими руками» Винниченко, сразу утрачивает ту основную черту, благодаря которой великая Октябрьская революция важигала таким энтузиазмом колонны своих борцов и стала знаменем международного пролетариата: противопоставляя «украинские руки» русским или еврейским, воздвигая в среде рабочего класса национальные перегородки, эта «советская система»

безнадёжно утратила бы свой интернациональный характер, характер объединения пролетариев всех наций против буржуазии всех наций.

Но этого мало. Предлагая свою «советскую систему», Винниченко, как мы видели, хотел «обеспечить себе заранее украинский характер власти». Какими же путями хотел он этого добиться? Об этом нам опять-таки повествует сам Винниченко, хотя и в несколько «облагороженных» выражениях. Стараясь склонить Директорию на свою сторону, Винниченко указывал,

«...что если инициатива советской системы будет исходить от нас, то мы сможем установить такую систему выборов в эти советы, чтобы украинский национальный элемент был в них вполне обеспечен».

Но обеспечение «украинского национального элемента» с помощью «системы выборов»,—это означает на более откровенном языке установление национальных ограничений при выборах в советы, это означает предоставление «господствующей национальности» нных избирательных прав, чем национальностям не господствующим. «Советская система»,—как новая система национального угнетения.. Петлюра мог бы с полным правом возразить этому «почти большевику»: «Ведь я добивался того же самого,—за что же ты бранишь меня контрреволюционером?»

А дальше—новое откровение о той же «советской системе»:

«Мы не обязаны,—убеждал Винниченко своих противников,—поступать так, как поступают русские большевики, которые одного работника-металлиста приравнивают к десяти или пятнадцати крестьянам. Мы можем дать более справедливое для нашей нации представительство сельским рабочим в этих органах власти».

«Сельские рабочие» появляются тут, очевидно, ради более «красного», «почти большевистского» словца. Суть дела, конечно, в крестьянах, столь несправедливо обиженных «русскими большевиками».

«Советская система» Винниченко является не только «более справедливой для нашей нации». Представляя собой уничтожение диктатуры пролетариата, эта система по своему социальному содержанию как две капли воды похожа на те «свободные советы» или «советы без большевиков» (Винниченко сказал бы: без русских большевиков), которые всего через 1½ года после Винниченко так восхвалял Миллюков, как лозунг кронштадтцев.

От откровенной петлюровщины, организовавшей еврейские погромы, перекрашивавшей вывески и отдававшей власть в руки атаманщины, «советская система» Винниченко отличалась бы ровно настолько же, насколько отличалась керенщина от корниловщины: она представляла бы собой лишь более искусный способ обмана масс. Массы, которые уже перестали бы верить петлюровскому красному флагу,—эти массы еще можно было бы в течение одного исторического часа держать в обмане с помощью винниченковской «советской системы». Однако Винниченко, как и всякий изобретатель, несколько увлекается, полагая, что будь осуществлена его

система обмана, а не петлюровская,—и массы не смогли бы стерпеть «нас», а так и оставались бы одураченными. Ведь сам Винниченко повествует, что ему удалось в конце концов надуть если не массы, то своих сотоварищей по Директории и провести «полусоветскую систему» в виде так называемых «трудовых советов» и «трудового конгресса». Однако эта «полусоветская» система никого не обманула. И трудовые советы, и трудовой конгресс, по свидетельству самого Винниченко, остались «мертворожденными», а украинские революционные массы все же пошли за большевиками и выгнали вон из советской Украины как всех Петлюр, так и их более «левых», но столь же «национально-украинских» Винниченко.

Описывая этот последний процесс,—процесс вышвыривания Петлюр и Винниченко народными массами из «ридной» Украины,—Винниченко все же хочет быть умнее Петлюры, желавшего втереть очки простым врагем и уверявшего, что его выгнали из Украины русские большевики-империалисты. Нет, Винниченко прямо заявляет:

«И не российское советское правительство выгнало нас из Украины, а наш собственный народ, без которого и против которого российские советские войска не могли бы занять ни одного уезда нашей территории».

Винниченко не был бы самим собою, если бы из-под «почти большевистской» шкуры у него не высывалось длинное петлюровское ухо. Признав, что «нас» выгонял из Украины «наш собственный народ», он не может не упомянуть, применительно к петлюровской подлости, о «российских советских войсках».

Еще пикантнее, однако, то, что говорит наш «полубольшевик» о восстании против Директории на Левобережье. Здесь мы у него читаем: -

«Когда Директория выпускала свою декларацию, то на Харьковщине и Полтавщине уже организовывались повстанческие отдели селянской силки под предводительством главным образом украинских левых эсеров... однако уже не против разбитой гетманщины, а против Директории, которая порола крестьян розгами, целовала панам руки и оставляла гетманщину на старых местах».

И вслед затем Винниченко высмеивает вранье атамана Болбачана, который, воюя с повстанцами, посылал Директории донесения, «что геройски борется с войсками русских коммунистов».

Но через несколько страниц, забыв свои насмешки над Болбачаном, сам Винниченко пишет:

«Тем временем восстание против Директории все больше и больше разгоралось на Левобережье. Оно происходило частью под руководством левых эсеров (украинских.—С. А.), а главным образом русского советского правительства».

Повторяя побасенки вранья Болбачана, Винниченко попадает вместе с ним в одну компанию с враньями из числа «российских» белогвардейцев, которые также с возмущением рассказывали, что их побили не русские красновардейцы, а «латыши и китайцы». Международным Винничкам, как и Болбачанам и Денкиным, никогда не понять интернационального характера пролетарской

революции; потому им предстоит и впредь много раз удивляться, когда их будут бить, наряду с «национальными», также и русские и китайские коммунисты.

Изложенные специфические черты авторства Винниченко отнюдь не отнимают, однако, весьма значительной ценности от приводимого им в статье фактического материала. Материал этот составляют, с одной стороны, данные о неудержимом и независимом от какой бы то ни было агитации «российских коммунистов» развитии большевизма в стране, о непреодолимой тяге рабочих и крестьянских масс к советской власти (конечно, не в «винниченковской» форме, а в том виде, как она была осуществлена под руководством Ленина в республике Советов), с другой стороны— в высшей степени яркие и поучительные данные о контрреволюционной деятельности Директории и петлюровщины. Обе эти части конкретного исторического материала, содержащегося в статье Винниченко, представляют незаменимую ценность как для читателя, так и для исследователя, так как мы получаем их из первоисточника.

Мы достаточно касались первой части фактического материала статьи в предыдущем изложении. Что касается второй его части, то данные Винниченко устанавливают прежде всего удивительное сходство петлюровщины с такими «российскими» формами контрреволюции, как, напр., колчаковщина или деникинщина. И там и здесь режим, устанавливаемый контрреволюцией, характеризуется прежде всего самовластием военщины, диким произволом здесь—«атаманщины», там—офицерщины над беззащитным населением, у которого остается только один выход: восстание против режима, реставрирующего худшие времена царского самодержавия.

«В провинции, не говоря уже о Левобережьи, вся власть и политика была... в руках либо военных комендантов, либо самодержавных комиссаров, либо, еще хуже, атаманов, руководивших военными операциями. Вследствие этого декреты Директории, ее благие намерения и декларации оставались лишь хорошими словами, а в действительности совершались атаманские дела со скверными последствиями».

Даже в самый разгар «полубольшевистской» весны Директории Болбачан, свергший под знаменем Директории гетманщину на Левобережьи, ведет себя не лучше гетманского сатрапа, расстреливает рабочих в Харькове, сечет розгами членов крестьянского съезда в Полтаве.

Большим героям атаманщины подражали ее бесконтрольные и самодержавные малые герои, получавшие в полное свое распоряжение города и села из рук «головного атамана» и... самой Директории..

«В результате над населением часто совершались насилия, несправедливости, брались взятки, покрывались спекулянты-гетманцы, защищались интересы помещиков и разных социальных преступников».

Если на селе режим петлюровщины (под это понятие всецело подпадает и режим Директории, несмотря на пышные «декларации»

последней, ибо сам Винниченко не может установить никакой разницы в социально-политическом содержании того и другого) начал защиту интересов помещиков, то в городе это был режим злейшего подавления рабочего класса. Притом,—не только в Харькове или Полтаве, где царил Болбачан. В самом Киеве непосредственно вслед за тем, как Директория устраивала себе пышные парады с молебнами, ее агенты на протяжении 2-х недель четыре раза разгромили Центральное бюро профсоюзов. С целью борьбы с большевиками было

«организовано шпионство и сформирован особый полк под командой «социал-демократа» Ковенко, задачей которого была организация карательных экспедиций в те места, где образовались советы рабочих и крестьянских депутатов».

Замазывание вывесок и перевод их на украинский язык под страхом всевозможных кар было самой невинной формой «национального освобождения», принесенного петлюровщиной Украине. Истинная сущность его сказалась в огромном усилении еврейских погромов даже по сравнению с эпохой гетмана уже в «весенний» период Директории. В дальнейшем атаманина нашла свое призвание в диких разгромах целых еврейских местечек, сопровождаемых вырезыванием сотен и тысяч жертв.

Свою преданность «демократизму» Директория проявила, помимо разгрома свободно избранных советов рабочих и крестьянских депутатов, еще и тем, что

«сразу была введена беспощадная цензура для прессы, запрещены съезды и собрания,—словом, населению не было позволено даже свободнее вздохнуть и почувствовать хотя бы какую-нибудь разницу между гетманщиной и Директорией».

Изложенным в достаточной мере характеризуется внутренняя политика Директории. Ее внешняя политика характеризуется пресмыкательством перед Антантой, цинизмом, с которым эта «национальная украинская власть» предавала и продавала дешевле, чем за 30 серебрянников, свою «ридину» Украину Антанте и ее мелким агентам. Винниченко расточает задним числом немало укоризи по адресу своих соратников, позабывших в выражении своих холопских чувств всякую меру. Однако сам он вынужден сознаться, что Директория первая и по собственному почину пошла на поклон к Антанте,—еще в тот момент, когда находилась под его председательством и была «полубольшевистской».

«Еще организуя восстание, мы вступили в неофициальные сношения с представителями Антанты в Румынии, и последние горячо нас поддерживали и даже обещали помощь против гетманщины и немцев».

Правда, когда под влиянием русских белогвардейцев так называемый французский консул Энно стал требовать из Одессы от Директории прекращения восстания против гетмана, Директория развилась было «нотой» протеста. Однако достаточно было первых ударов по ней рабоче-крестьянской революции на Украине, чтобы заставить Директорию снова с покорной головой отправиться в приходящую к Антанте вымаливать прощения и помощи против

большевиков. Тот договор, который с таким возмущением приводит в своей статье Винниченко и который был заключен между представителями Антанты и Директории в Одессе,—договор, по которому Директория обязывалась передать все свои вооруженные силы в распоряжение Антанты, вступить в союз с Деникиным, передать власть буржуазному «коалиционному правительству» и уничтожить на своей территории советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,—вовсе не является границей предательства интересов Украины со стороны «украинской национальной власти». В этом отношении его значительно превосходит документ, приведенный в статье Деникина, и, повидимому, оставшийся неизвестным Винниченко, как сфабрикованный уже после ухода последнего из Директории: мы говорим о ноте Директории, представленной французскому командованию в Одессе в середине февраля 1919 г. и превращавшей Украину во всех отношениях в колонию Франции:

«Директория, признавая сделанные ею ошибки, просит французское командование о помощи в борьбе против большевиков. Директория отдает себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украины в областях военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной в течение всего времени, пока будет продолжаться борьба с большевиками, и наконец Директория надеется, что Франция и другие державы Соглашения проявят великодушные, когда после окончания борьбы с большевиками возникнут вопросы о территориях и нациях».

По мере того, как восставшие рабоче-крестьянские массы выгоняли Директорию и верную ей кучку атаманов и чиповичества из одной «столицы» в другую,—из Киева в Винницу, из Винницы в Ровно, из Ровно в Каменец-Подольск и т. д.,—все более разлагалось это сборище авантюристов, превращаясь в простую шайку бандитов. Только разруха гражданской войны и большой сундук с отпечатанными в Германии по заказу гетмана «гривнами» позволяли этой шайке время от времени одурачивать ту или иную воинскую часть, с помощью которой она продолжала самодурствовать над населением захваченного ею уезда, пока и эта воинская часть не распознавала истинное лицо «бабки-Петлюры» и не покидала его. Страницы статьи Винниченко, посвященные периоду разложения и агонии петлюровщины, ее кочеванию в вагонах, вымалыванию помощи у Деникина, у галичан, наконец, подвиги петлюровской дипломатии за границей, напоминают авантюристический роман, с тою только существенной разницей, что каждый шаг этой «национально-украинской власти» стоил новой крови и нового разорения украинским трудовым массам. Продажа Галиции, а затем и Украины панской Польше были последними политическими актами Петлюры, которым, однако, рабоче-крестьянская революция на Украине позволила осуществиться лишь в некоторой части—в отношении западной Украины.

Переходя к остальному материалу сборника, отметим прежде

всего, что большая часть его принадлежит перу русских белогвардейцев, напр.: Деникина, Гурко, Сумского и пр. Последние не жалеют красок, когда рисуют отрицательные стороны украинской контрреволюции, но противопоставляют они ей не что иное, как русскую великодержавную контрреволюцию. Надо сказать, однако, что тогда как украинская контрреволюция стояла на позиции буржуазной демократии,—русская контрреволюция на Украине (деникинщина, а частью и гетманщина) была прямым восстановлением старого режима и, поскольку речь идет о деникинщине,—старого национального гнета. В особенности пропитаны духом великодержавной русской контрреволюции статьи Деникина, Гурко, а также и Сумского.

Мы прежде всего остановимся вкратце на материале, посвященном периоду Февральской революции на Украине. Этому периоду посвящено начало двух первых статей—Гольденвейзера и Дорошенко, из которых первая охватывает, сверх того, весь вообще период гражданской войны на Украине до польской оккупации включительно, а во второй рассказ доведен примерно до периода гетманщины. В обеих статьях мы здесь отметим для данного периода лишь полное отсутствие каких бы то ни было сообщений о деятельности партии большевиков. Отчасти это надо приписать тому, что оба буржуазных автора стояли слишком далеко от этой партии и от движений в среде пролетариата вообще; отчасти же—тому, что в описываемом авторами Киеве большевистский комитет, правый по своему составу, еще не сумел в этот период развернуть достаточно широкой массовой работы, не сумел найти правильной линии среди многосложных межнациональных отношений на Украине, не сумел противопоставить себя на этой почве мелкобуржуазной Центральной раде и превратиться в видную общественную силу. Таким образом освещения большевистской работы на Украине в этот период читатель должен искать в других книгах¹. Так как деятельность большевистской партии осталась для обоих авторов совершенно темной областью, то для них обоих остался также скрытым внутренний механизм и смысл событий, разыгравшихся в Киеве в Октябрьские дни и в достаточной мере искаженных ими, особенно Гольденвейзером. В частности совершенно неверно утверждение последнего, будто вооруженные силы Центральной рады приняли в эти дни участие в борьбе киевского пролетариата с силами Временного правительства.

Совершенно неверно и то, будто Рада и в дни Октябрьского восстания в Киеве находилась в блоке с большевиками. Этот блок существовал, правда, раньше, хотя лишь в течение немногих дней, и был оформлен вхождением большевиков в организованный Радой в Киеве «Красной комитет спасения революции». Объясняется этот блок тем, что киевский большевистский комитет перед Октя-

¹ Напр., Е. Бош. Год борьбы, Майоров. Два года революционной борьбы на Украине, многочисленные статьи в «Летописи революции».

брем стоял примерно на тех же позициях, что и Каменев и Зиновьев в Петрограде.

Однако по получении первых же известий об Октябрьской революции в Петрограде Рада осудила «большевистский мятеж» в Петрограде и призвала украинские части к невмешательству в случае возникновения аналогичных событий в Киеве. Только после этого большевики вышли из «Комитета спасения» Рады и выпустили листовку об «измене» Рады. Под энергичным напором рабочих масс, требовавших вооружения и борьбы с контрреволюцией, комитет большевиков вышел, наконец, из состояния пассивности. 26 октября пленум Совета избрал большевистский ревком из 6 человек, который, однако, не торопился начинать борьбу и 28-го был арестован, вместе с почти всеми членами большевистского комитета, юнкерами, разгромившими здание Совета. После этого Печерским рабочим районом был выделен новый ревком, руководивший дальнейшим движением. Тотчас началась всеобщая забастовка и вооруженная борьба. Восставшие рабочие были подержаны некоторыми воинскими частями (каковы: 3-й авиапарк, понтонный батальон и др.). На стороне штаба округа оказались почти исключительно юнкера и казаки. Рада сохраняла нейтралитет. После трехдневной борьбы и после того как между воюющими сторонами было заключено при посредстве Рады соглашение об обмене пленных и прекращении борьбы, штаб вместе с юнкерами в ночь на 1 ноября выехал из Киева. После этого Рада расставила свои караулы по городу и объявила себя властью, а освобожденные юнкерами руководители большевистского комитета, продолжая свою старую политику, примирились с создавшимся положением. Потребовались месяцы дальнейшей борьбы, чтобы власть советов восторжествовала на Украине. Читатель может судить после этого, сколько правды и сколько обывательской выдумки в сообщении Гольденвейзера, будто в Октябрьские дни в конце борьбы Рада вовремя поспешила на помощь победителю, причем будто бы

«все имевшееся в Киеве украинские части были брошены на сторону противников Временного правительства».

Такой же выдумкой является и сообщение Дорошенко, будто «..украинцы поддерживали большевиков, признававших над собой власть украинского начальника военного округа полк. В. Павленко».

(Нечего и говорить, что подобного признания даже со стороны правых большевиков никогда не было.)

В описаниях последовавшего затем трехмесячного периода властвования Центральной рады в Киеве интересно сообщение Дорошенко о заключенном им 7 ноября от имени Рады соглашении с Духониним; по этому соглашению из соединенных армий Юго-западного и Румынского фронтов был образован особый Украинский фронт под командой едва ли не самого черносотенного из тогдашних русских фронтовых генералов, заядлого монархиста Щербачева, охотно согласившегося пойти на службу к украинским «социали-

стам» и шовинистам, чтобы избавиться от неприятной перспективы отношений с советской властью.

Любопытно и сообщение того же автора об отношениях между «Украинской народной республикой» периода Центральной рады и англо-французскими дипломатами. Уже в начале ноября, т. е. в то время, когда Бьюкенен и Нуланс (английский и французский послы) в Петрограде готовили комплоты против советской власти сообща с русскими эсерами и кадетами и заверяли их в своей преданности идее «единой и неделимой» России, в Киеве.

«Ген. Табуи—начальник французской военной миссии при ставке Юго-западного фронта—и майор английской службы Фицвильямс явились к генеральному секретарю по международным делам... А. Я. Шульгину с заявлением, что союзники вообще, а в особенности Франция, с полной симпатией относятся к культурному и политическому возрождению Украины».

А еще через месяц, с 5 декабря Франция стала уже считать себя

«...вошедшей в официальные сношения с Украиной».

Однако по вине ненавистных большевиков, выгнавших Раду из ее столицы, в конце января 1918 г., этот «роман» Антанты с украинцами неожиданно прервался. А вслед за тем только что обласканная французами «социалистическая» Рада предпочла обратиться за более верной помощью к императорской Германии, чтобы уберечь свою шкуру от восставших рабочих и крестьянских масс.

За несколько месяцев своего владычества Рада не сумела и не захотела выполнить свои широковещательные обещания. В частности не сумела она осуществить и аграрную революцию против помещиков так, как это было сделано большевиками в России. Поэтому падение власти Рады произошло с необыкновенной легкостью:

«В решительную минуту, когда большевики нажали извне и изнутри, оказалось, что за Центральной радой никто в сущности уже не стоит».

О самом изгнании Рады из Киева довольно внятно рассказано в статье Дорошенко. Любопытный рассказ о том же мы находим и в статье Сумского. Что касается Гольденвейзера, то последний спутал рабочее восстание с наступлением Муравьева. Рабочее восстание, шагом которого был славный киевский Арсенал, было после нескольких дней кровавой борьбы разбито Радой, уже когда советские войска Муравьева стояли под Киевом. Таким образом победа не спасла Рады, которой пришлось тотчас вымалывать помощь у немцев ценою сдачи им Украины в колониальное владение.

1 марта конвоируемое немцами правительство Центральной рады, за три недели до того изгнанное из Киева рабочим восстанием и артиллерией Муравьева, снова возвратилось в свою столицу. Об этом втором периоде власти Центр. рады все наблюда-

II Алексеев. Революция и гражданская война на Украине

тели, статьи которых приведены в сборнике—Гольденвейзер, Сумский, Могилянский—сходятся в одном: что власть эта была чисто номинальная, призрачная; подлинными хозяевами были немцы.

«Рада была номинально верховным органом украинской государственности. Но с момента прихода германских войск (а последние вступили в Киев, как известно, через несколько часов после того, как туда вошли украинцы, которых немцы впустили первыми только ради «приличия». (С. Д.) она фактически не обладала никакой силой и властью» (Гольденвейзер).

Немецкое командование без всякого согласия Центральной рады и ее правительства и даже не доводя предварительно до их сведения, издавало приказы об «урегулировании» аграрного вопроса, о воспрепятствовании захватов помещичьих земель крестьянами, вводило цензуру для газет, вводило даже немецкие военно-полевые суды. Кучка жалких политиков, прикрывавшая своей игрой в «правительство» и в «парламент» эти подвиги оккупантов и уже не вызывавшая к себе ни в одной группе населения ничего, кроме презрения, была с величайшим позором сброшена своими повелителями, как только вздумала фрондировать. На ее место тотчас был посажен теми же хозяевами страны «гетман» Скоропадский, уже заранее договорившийся с Германией, но приличия ради провозглашенный на съезде «хлеборобов».

На одной черте бесславного периода Центральной рады мы должны остановиться несколько подробнее именно на начавшихся в этот период еврейских погромах. Винниченко в своей статье достаточно убедительно обличает Петлюру в организации еврейских погромов. Надо сказать, что большая часть имеющихся материалов о еврейских погромах на Украине во время гражданской войны относится как раз к описываемому Винниченко периоду Директории. Помещаемая в настоящем сборнике статья Чериковера ценна как раз тем, что дает обширный материал о погромах и положении евреев более раннего периода—периода Центральной рады и гетмана.

Правительство Центральной рады и правительство Директории отличаются друг от друга только по названию, да еще по тому, что первое действовало с Октябрьских дней до конца апреля 1918 г., а второе—начиная с ноября 1918 г. Классовый и партийный, а частью персональный состав того или другого совершенно одинаковы. Совершенно естественно поэтому, что погромы, явившиеся таким бедствием на Правобережье в период властвования Директории, начались еще при Центральной раде и носили совершенно тот же характер, что и потом: это были погромы, производившиеся при прямом попустительстве—можно было бы сказать: подстрекательстве—«национального» Украинского правительства, «кокетицавшего» своим антисемитизмом. Активной силой, устраивавшей погромы, была регулярная армия (поскольку можно о таковой говорить в отношении этого периода) и темные слои крестьянства, подававшие кулацкой агитации. Отношение к погромам Петлюры (и тогда входившего в состав правительства) и петлюровцев со-

вершено таково же, как и в период Директории. Вот, например, сообщение о погроме в Бородянке, где, правда, было убито гайдамаками всего двое евреев, но под угрозой погрома находилось все еврейское население местечка,

«пока община не догадалась откупиться деньгами от гайдамаков. Все эти дни на вокзале ст. Бородянки находился Петлюра и его помощник Загородский. Население Бородянки послало к нему депутацию... Но Петлюра, собиравшийся уезжать, отослал депутацию к своему помощнику. А последний ответил, что гайдамаки «раздражены», и он ничего не может поделать».

После захвата петлюровцами, при поддержке немцев Киева гайдамаки стали производить кровавую расправу с евреями в своем штабе—в Михайловском монастыре. А всего в Киеве только за одну первую неделю пребывания петлюровцев—с 1 по 8 марта 1918 г.—было зарегистрировано 172 случая насилий над евреями, в числе которых были и убийства, и истязания, и изнасилования, и «пропавшие без вести», арестованные и т. д.

Вместо того чтобы обуздать своих гайдамаков, правительство Центральной рады ограничивалось «заверениями». Так, председатель совета министров Голубович, приняв еврейскую депутацию, представившую официально установленные данные о массовых насилиях и расстрелах евреев,

«заверил делегацию, что курс правительственной политики вообще, а в национальном вопросе в частности, остается прежний, и просил передать еврейскому населению, что нет оснований для тревоги и опасений».

Когда расстрелы и насилия над евреями совершаются в «столице» десятками ежедневно, то, по мнению этого любопытного министра, у евреев «нет оснований для тревоги и опасений».

Если министры успокаивали, то представители власти рангом чуть-чуть пониже занимались прямым подстрекательством к погромам или организацией их. К погромам призывал официальный орган одной из правительственных партий «Новая рада» устами самого товарища председателя Рады «известного» Никовского. По словам этого «общественного деятеля», когда украинцы отступали из Киева, то

«Киев стрелял им в спину до последнего строения под Святошином (дачный поселок под Киевом.—С. А.). Присматриваясь к единичным и групповым врагам своим, украинцы отлично разглядели, что это была исключительно еврейская молодежь—студенты, гимназисты, рабочие».

Разумеется, для гайдамаков такие статьи были равносильны прямому призыву: «бей жидов». И хотя подобное вранье печаталось в газете «социалистов-федеративов», но оно ровно ничем не отличалось по содержанию от погромных денкипских листов.

Жалкую и презренную роль играло при таких условиях существовавшее в период Центральной рады так называемое «еврейское министерство», которое своим участием в правительстве Петлюр

и Никовских лишь прикрывало погромщиков и санкционировало погромы.

Следует отметить особенность статьи, богатой материалами Чериковера. Считая совершенно справедливо одной из главных сил, производивших еврейские погромы в период Центральной рады и гетмана, украинские войсковые части, Чериковер в качестве второй такой силы изображает украинское крестьянство, — особенно в периоды повстанчества, — не проводя никакого отличия между разными его слоями.

«Параллельно с эксцессами украинской армии, — пишет он, — происходит ряд других погромов, где главными участниками являются крестьяне. Это — вторая и более серьезная, активная сила в погромном движении... Систематический поход деревни (курсив наш. — *С. А.*) против евреев относится к 1919 г., когда повстанческое движение принимает необычайно широкие и опасные (? — *С. А.*) размеры».

В том же смысле автор высказывается и во многих других местах.

Что кулацкие слои украинского крестьянства, для которых еврей-лавочники, еврей-скупщики хлеба или еврей ярмарочные торговцы были непосредственными конкурентами, — что эти слои были в широкой мере заражены антисемитизмом и при благоприятных обстоятельствах были непрочь пограбить и погромить еврейское население, — в этом сомневаться не приходится. Больше того, можно сказать, что именно эти слои и были главными социальными источниками антисемитизма на Украине. Потому-то петлюровщина, классовыми корнями которой были как раз эти кулацкие слои украинского крестьянства, оказалась так крепко, так органически сросшейся с погромным движением. Временами, от случая к случаю, эти слои могли увлекать за собой и делать участниками погромов темные элементы среднего или бедняцкого крестьянства. Однако все это не дает никаких оснований историку изображать еврейские погромы в период гражданской войны, как дело украинского крестьянства сплошь или утверждать, как это делает Чериковер, будто существовала

«неразрывная, почти органическая связь между повстанчеством на Украине и еврейскими погромами».

Такое утверждение является грязной контрреволюционной клеветой.

Что на самом деле положение вещей было иное, что можно было бы говорить об органической связи с погромами лишь петлюровского повстанчества или гетманско-петлюровских войсковых частей, — об этом в достаточной степени свидетельствуют материалы, приводимые самим Чериковером. Так, описывая погромы с мест. Виноград, Звенигородского уезда, связанные будто бы с партизанским движением крестьян, приводимый Чериковером источник сообщает:

«Каждый раз приезжают банды в 30—50 человек верховых, при полной боевой амуниции (курсив наш. — *С. А.*), собирают всех евреев в синагогу, окружают здание и под угрозой рас-

стрела требуют в кратковременный срок контрибуции, а пока им уплачивают, они ходят по домам и грабят».

Разумеется, верховые в полной боевой амуниции гораздо более напоминают пресловутых гайдамаков или «казаков» Сердюцкой дивизии, чем крестьян повстанцев, вооружившихся чем попало.

Что же касается повстанческого движения бедняцкого и середняцкого крестьянства в подлинном смысле, то движение это, широко разлившееся по Украине в 1918/19 г., проходило под лозунгами советской власти и было направлено против всякой контрреволюции—как гетманской, так и петлюровской и денкинской. Это повстанческое движение не только было совершенно свободно от «органической связи с еврейскими погромами», но, напротив, именно оно, уничтожив украинскую контрреволюцию, окончательно и безвозвратно ликвидировало и это позорнейшее наследие средневековья.

О гетманщине, сменившей по воле германского командования правительство Центральной рады, мы находим в сборнике довольно обильный материал. Ему посвящены целиком или частью, кроме статьи Гольденвейзера, также статьи Могилянского, Деникина, Лукомского, Гурко, Мякотина и Чериковера (затрагивающие, однако, большей частью и смежные эпохи). Но наиболее яркий материал для характеристики классової природы этого режима мы находим в статье Деникина, представляющей вообще большую ценность многочисленными приведенными в ней документами. Социальной опорой гетманщины, несомненно, была русская крупная буржуазия, дворянство, помещики—слои, которые и до революции были «панями» на Украине. К ним присоединились теперь родственные им элементы из коренной России—представители крупной буржуазии и бюрократии, которые в Февральские дни отдавали дань времени, подкрашиваясь под «демократов» и голосуя за кадет, а после Октября наводнили Украину, в особенности Киев, в качестве «беженцев» из «Совдепии». Здесь они частью занялись спекуляцией или прожиганием нажитых капиталов, частью захватили верхушку гетманского правительственного и административного аппарата, grimмируясь на службе в «жовтоблакітніе» цвета, а в домашнем кругу издаваясь над «мовой» и мечтая о том времени, когда Деникину, Краснову или иному герою удастся, наконец, посадить в Москве «настоящего» царя, который восстановит их в былом величии.

«На стороне ее (гетманской власти.—С. А.),—пишет Деникин,—оставались... только союз хлеборобов-собственников в лице крупных землевладельцев, возглавлявших эту бутафорскую организацию, весь сектор крайних правых и «Протофис» (Союз промышленности, торговли и финансов),—словом, земельная и финансовая знать,—максималисты в области классовых целей и интернационалисты в способах их достижения».

Вот картинное описание этой среды в цитируемом Деникиным письме кн. Гр. Трубецкого:

«Аристократический квартал Липки (в Киеве.—С. А.) был жутким приведением минувшего. Там собрались Петербург и Москва: почти

все друг друга знали. На каждом шагу встречались знакомые типичные лица бюрократов, банкиров, помещиков с их семьями. Чувствовалось, в буквальном смысле, что на их улице праздник. Отсюда доносились рассказы о какой-то вакханалии в области спекуляции и наживы. Все, кто имел вход в правительственные учреждения, промышляли всевозможными разрешениями на вывоз, на продажу и на перепродажу всякого рода товаров. Помещики торопились возместить себя за то, что потерпели, и взыскивали, когда могли, с крестьян вдвое за награбленное. Правые и аристократы заносились перед немцами».

Так было в Киеве. А об Одессе того времени мы читаем у Деникина:

«По концентрации спекулянтских элементов и плутократии, по темпам и размаху Одесса превзошла тыловые центры всех фронтов».

Нет ничего удивительного, что политическую санкцию гетманщине дали—вплоть до участия в гетманском правительстве—кадеты, правда, киевские (т. е. как местные, так и очутившиеся в Киеве в перипетиях гражданской войны): московский кадетский центр, надеявшийся на помощь Антанты, осуждал своих киевских сочленов за участие в германофильском правительстве.

В описаниях периода гетманщины у Деникина необходимо остановиться на попытках автора доказать, будто в этот период большевики на Украине находились под особым покровительством германских оккупационных властей (см., например, стр. 145 и др.). Утверждения Деникина в этом пункте представляют чистейший и злостный вымысел. Известно, что уничтожил советскую власть на Украине не кто иной, как германо-австрийская армия. Известно, что немецкие оккупационные власти вели упорную борьбу как с революционным рабочим движением, так и с крестьянским повстанчеством, шедшим в значительной мере под большевистским знаменем. Известно, наконец, что немецкие оккупанты держали сотни большевиков в тюрьмах и так же не стеснялись их расстреливать, как и сам Деникин на своем «Юге России». В выдуманном Деникиным покровительстве немцев большевикам сквозит слишком явное желание изобразить большевиков, по старой генеральской традиции, как купленных агентов Германии.

Как социальная система, период гетманщины характеризуется прежде всего тем, что возвративший себе власть помещик принялся за отобрание у крестьянства захваченных последним помещичьих имений и имущества. Военное командование императорской Германии оказывало этому стремлению своих классовых друзей всемерную поддержку. Немецкие войска вообще вели себя на Украине как в завоеванной стране. В виде иллюстрации приведем несколько строк из статьи Могилянского, настроенного наиболее «благожелательно» в отношении гетманщины из всех авторов нашего сборника.

«В других местах,—пишет Могилянский,—шел прямой, бесстыдный и циничный грабеж (крестьянства германцами.—С. А.). Были случаи во многих местах, когда помещики пользовались немецкой силой для восстановления своих прав и в особенности для возврата своего ограблен-

ного имущества (движимости). Это приводило иногда к таким конфликтам, что немцам приходилось пускать в ход артиллерию.

Классовому характеру режима вполне соответствовал и характер административного аппарата. Под названием «державной варты» была восстановлена старая полиция. Административные посты замещались главным образом старорежимными губернаторами, полицеймейстерами и приставами. Как осторожно выражается Могилянский:

«С фатальной неизбежностью приходилось возвращать к власти и вербовать для кадров новой власти людей опыта старого времени, которые были к тому же настроены очень озлобленно всеми предыдущими событиями».

Гетман подобно другим организаторам российской контрреволюции, вступившим в борьбу с пролетарской диктатурой, строил свои вооруженные силы по принципу классовой армии. Однако гетману задача эта вовсе не удалась, и его вооруженные силы являли собой весьма жалкую картину. Состояли они исключительно либо из подобранных сыновей буржуазии, либо из купленных деклассированных элементов.

«Вооруженные силы гетмана,—пишет Деникин,—состояли: 1) из дивизии ген. Натиева, сформированной из добровольцев... находившейся в подчинении у немецкого командования, совершенно разложившейся и впоследствии разоруженной немцами; 2) сердюцкой дивизии (гвардейской), составленной по набору исключительно из сыновей средних и крупных крестьян-собственников и вскоре разбежавшейся; 3) из охранных и пограничных сотен; 4) наконец в августе из Владимира-Волынского прибыла сформированная там австрийцами из военнопленных украинцев 1-я Украинская пехотная дивизия, которая вслед за тем, ввиду непригодности, была расформирована».

Как указывает Могилянский, для формирования армии было более или менее достаточно офицеров, которых самые различные побуждения заставляли идти на службу к гетману. Однако,—добавляет с некоторой наивностью автор,—

«недоставало одного, но зато весьма существенного (!),—солдат. И главная беда была в этом: неоткуда было взять надежных солдат».

Само собою разумеется, что политика гетмана во всех тех случаях, когда в ней были заинтересованы настоящие хозяева страны—германское командование—определялась желаниями и приказами последнего. Любопытно указание Деникина на молниеносную отставку пресловутого «бессменного» гетманского министра внутренних дел Кистяковского по требованию германцев.

Осенью Киев стал в буквальном смысле осинным гнездом русских белогвардейских организаций, старавшихся делать «большую политику» контрреволюции. Здесь обосновались: «Монархический блок», союз «Наша родина», шульгинская организация «Азбука», «Совещание членов законодательных палат», «Совет государственного объединения России», отделение «Национального центра», «Земско-городское объединение», отделение «Союза возрождения Рос-

сии» и множество других организаций всех оттенков от черного до розового. Все эти организации устраивали заседания, принимали резолюции, оказывали давление на гетмана, переписывались с Деникиным и друг с другом, на все лады обсуждали вопрос об «организации власти», организовывали армии, даже устраивали заговоры против приютившего их гетмана. Но, сколь ни «энергична» и разносторонне была эта деятельность, она напоминала лишь работу белки в колесе; ее результаты не выходили за пределы довольно узкого круга «общественных деятелей». Основной причиной этого было, конечно, то, что массы, снова ввергнутые гетманщиной в условия старого режима, были непримиримо враждебны ко всем этим буржуазным организаторам и реформаторам. Но в той безнадежности, в той обреченности, печать которой лежала на всех попытках множества контрреволюционных организаций создать реальную вооруженную силу для борьбы с «большевиками» в образе «собственного» украинского крестьянства,—и это при наличии многочисленного офицерства, слонявшегося без дела в Киеве, Одессе и др. украинских городах,—в той легкости, с какой все это бесподобное сборище важных господ и финансовых тузов выдало головой «своего» гетмана поднявшим восстание петлюровцам,—явно сказалось действие еще одной немаловажной причины: глубокого разложения самой буржуазии в результате неверия в свое собственное дело. Финансовые «деятели» предпочитали лучше спекулировать, наживаться на валюте, срывать куши, разворовывать сообща с купленными чиновниками государственную казну и устраивать пиры во время чумы, чем участвовать собственным капиталом в организации армии, а офицерству лучше нравилось служить в ресторанах и получать чаевые, грабить окранный обывателя, или, наконец, записываться в добровольцы, чтобы затем получить деньги и исчезнуть, чем браться за винтовку и рисковать головой.

Таким образом, несмотря на большой шум и огромные расходы,

«численность офицерских дружин была незначительна, врид ли превосходила 3—4 тысячи; организация далеко не совершенна: разбухшие штаты, неизбежные контрразведки и «отряды особого назначения» доминировали над «штыками». Расплодилось также многочисленное «вербовочное бюро» с громадными штатами, обширными реквизируемыми помещениями и автомобилями. Каждое из них формировало не меньше чем «армию» и имело в наличии 100—150 бойцов».

Поэтому падение гетмана после того, как его отказались поддерживать германцы, не стоило большого труда. Не помогло и обращение гетмана к Николаю Николаевичу, которому гетман предлагал не больше, не меньше как:

«принять верховное командование всеми войсками бывшей России и управление»,

да так и не дождался ответа. Вообще, как сообщает Деникин,

«последний месяц его (гетмана.—С. А.) правления прошел под исключительным и полным влиянием блока крайних правых, разделяемым до

известной степени с переменившим ориентацию министром внутренних дел Игорем Кистяковским».

Статья Чериковера, на которой мы уже останавливались выше, дополняет характеристику гетманщины с весьма существенной стороны материалами о положении евреев в этот период.

По сравнению с периодом Центральной рады период немецкого полновластия и гетманщины был для евреев сравнительно «спокойным», но только сравнительно. Стало значительно меньше убийств и прямых актов насилия. Сказались как никак культурные традиции немцев и любовь к порядку. Однако и теперь евреи остались бесправной нацией (а юридически это бесправие еще обострилось), и недостатка в самых диких издевательствах как со стороны гетманских агентов, так даже и со стороны «культурных» немцев отнюдь не было. Одним из самых невероятных актов издевательства было, например, наложение на еврейское население контрибуции для возмещения убытков помещикам, пострадавшим от... аграрных беспорядков,

«хотя еврейское население, разумеется, никакого участия в крестьянских волнениях не принимало. При этом евреи облагаются во много раз выше нееврейского населения. Так было, напр., в Обухове Киевской губ., где на местечко была наложена контрибуция в размере свыше 2 млн. рублей в возмещение за нанесенные помещикам убытки.

Гетманская администрация нередко ведет себя столь же «свободно» и без стеснения, как и петлюровская. Весьма красочна, например, выходка житомирского губернского старосты (т. е. губернатора) Андро,—впрочем, уже в период заката немецкой оккупации:

«В Бердичеве сволочная еврейская молодежь,—сказал он вызванным им к себе представителям еврейской общины,—расстреливает офицеров-добровольцев, борющихся с большевиками... Передайте населению, что я больше этого не потерплю; за малейшее большевистское выступление евреев я залью Житомир еврейской кровью».

Но и у немецких военных властей линия в отношении еврейского населения была в сущности та же, хотя, несомненно, более «культурная». В Киеве на вокзале они вывесили, например, рядом два объявления для своих солдат на немецком языке: «Остерегайтесь воров» и «Остерегайтесь еврейских менял».

А на местах появляются такие объявления германских властей:

«До сведения комендатуры дошло, что большая часть еврейского населения, в особенности большинство еврейских торговцев, на рынке и в своих поездках по деревням самым позорнейшим образом агитируют против украинского правительства и немецкой власти».

или:

«Я запрещаю местным жителям иудейского вероисповедания вступать в какие-либо отношения с моими солдатами, разговаривать с ними, гулять и т. п. Нарушение приказа карается в первый раз поркой, во второй—расстрелом».

Порка и даже расстрел специально для евреев за прогулку

или разговор с германскими солдатами... Военно-немецкая культура достаточно быстро эволюционировала в сторону приспособления к «национально-бытовым» условиям гетманской Украины.

Достаточно характерный материал о позиции германских военных властей по отношению к евреям найдет читатель и в других статьях сборника. Таков для примера хотя бы сообщаемый Гольденвейзером случай:

«высылки в концентрационный лагерь всего состава еврейской общины г. Геническа по доносу уволенного учителя талмуд-торы и арест нескольких десятков наиболее почтенных обывателей мест. Казатина, организованный с явно шантажными целями каким-то житомирским портным».

В числе контрреволюционных организаций, нашедших себе приют в гетманской Украине (а затем, при наступлении тревожных для гетмана времен, переселившихся в Одессу), был, между прочим, «Союз возрождения России», которому принадлежит вообще довольно заметная роль в истории контрреволюции 1918—1919 гг. Пребыванию этого «Союза» на Украине в 1918 г. посвящена главным образом статья Мякотина «Из недалекого прошлого», дающая любопытный материал для характеристики позиции русских мелкобуржуазных партий в отношении событий на Украине в конце 1918 г. Союз возрождения России, возникший в Москве и перекочевавший отсюда на Украину в составе хлынувшей сюда к осени в 1918 году обывательской массы, был организацией, созданной партией «народных социалистов»,—промежуточной партией чисто-интеллигентского состава, стоявшей на полдороге между кадетами и правыми эсерами. Но в этот Союз входили также и правые эсеры и меньшевики, а с другой стороны, и кадеты.

В частности в отношении Одессы на это указывает и сам Мякотин. По его словам, в состав тамошнего отдела этого Союза

«кроме народных социалистов, входили социалисты-революционеры, в том числе несколько видных гласных местной городской думы, меньшевики-оборонцы и левые конституционалисты-демократы».

Тесное участие меньшевиков и эсеров в «Союзе возрождение России» весьма ярко характеризует политическую физиономию этих партий: в пределах Советской республики обе они нередко склонны были клясться и божиться в своем лояльном отношении к советской власти и в своей кровной ненависти к белогвардейщине, а попадая в захваченную этой последней территорию, сплошь и рядом разыгрывали роль столпов и опоры белогвардейской «государственности». Таким образом и на меньшевиков и на эсеров падает в полной мере ответственность за политическую деятельность «Союза возрождения», с одной стороны, раболепствовавшего перед союзниками, засыпавшего последних их лакеев (вроде авантюриста Энно) слезными мольбами и ходатайствами об интервенции против страны Советов, а с другой стороны, умиленно расписывавшегося в любви и преданности к «спасающей Россию» добровольческой армии,—и это уже после того, как рабочие и крестьяне Северного

Кавказа полили своею кровью каждый шаг «победоносного» пути золотопогонной денкинской рати.

«Союз возрождения России ожидает, что державы Согласия... немедленно окажут через Новороссийск деятельную помощь армии Деникина... Союз возрождения России ожидает., что державы Согласия... решительно отклонят... просьбы о признании новых государственных образований... Союз возрождения России надеется, что державы согласия не признают и совершенного Румынией захвата Бессарабии».

«Союз возрождения России ожидает»... «Союз возрождения России надеется»... Таким рыбьим языком только и осмеливались разговаривать с генералами и полковниками Антанты люди, претендовавшие на звание «хозяев страны». Не иначе, как стоя на коленях решались они говорить о кровных интересах «своей» России с признанным ими самими англо-французским начальством, и даже решения вопроса о характере государственной власти в России эти холопы покорно ждали от своих западных хозяев:

«С появлением на территории южной России войск держав Согласия... неизбежно встанет вопрос о характере долженствующей сейчас возникнуть здесь государственной власти. Союз возрождения России... полагает, что в местностях, которые будут заняты войсками держав Согласия...», и т. д. и т. д.

И к этим позорным слезницам лакеев интервенции руку приложили эсеры и меньшевики.

Еще пикантнее, однако, те данные для политической характеристики двух этих партий, которые вытекают из приводимого Мякотиным описания симферопольского съезда представителей земских и городских самоуправлений юга России (30 ноября—8 декабря 1918 г.). В «Союзе возрождения России» меньшевики и эсеры составляли все же лишь небольшое меньшинство. На симферопольском же съезде, созванном почти непосредственно вслед за образованием так называемого «демократического» (кадетского) крымского правительства С. С. Крыма, меньшевики и эсеры играли преобладающую роль, как показывает уже состав избранного съездом «Совета земств и городов юга России» (9 соц.-демократов, 9 эсеров, 4 народных социалиста, 9 кадет).

Чем же ознаменовал себя этот съезд?

В принятых... резолюциях съезд, между прочим, выражал свою надежду на то, что «появление союзных войск на юге, сопровождаемое ликвидацией... реакционной германской политики в России, будет благоприятствовать организации сил демократии и укреплению основ народовластия; что действия союзников на юге России будут производиться по соглашению... с местными самоуправлениями и красными правительствами, созданными демократией; что с прибытием достаточного для охранения порядка количества союзных войск будут удалены все австро-германские и турецкие оккупационные отряды».

Но ведь это—совершенно тот же рабий язык, каким разговаривал с представителями Антанты Союз возрождения России. Громко говорят и самые даты. Конец ноября—начало декабря 1918 г. (период съезда) есть время высадки первых союзнических десантов в Крыму (в Одессе первый десант был высажен лишь

17 декабря). Как видно из цитированной резолюции, в момент ее принятия еще не было высажено на русскую территорию «достаточно для охранения порядка количества союзных войск», а меньшевики и эсеры уже возлагали на союзников все свои надежды в отношении «организации сил демократии» и «укрепления основ народовластия». Забегая вперед перед Антантой, обе партии спешили признать ее законной колонией весь «юг России» еще прежде, чем сама Антанта успела осознать столь благоприятное для нее положение.

А каково было отношение этого меньшевистско-эсеровского съезда к палачу рабочих и крестьян России и Украины—Деникину?

Отметив заслуги деникинской армии «в деле самоотверженной борьбы за воссоздание государственного единства и независимости России»,—читаем мы у Мякотина,—съезд

«признавал необходимым в скорейший срок образование на юге России южно-русского правительства, объединяющего Украину, Крым, Дон, Кубань, Кавказ. Такое правительство, полагал съезд, должно быть образовано путем сговора политических и общественных групп на государственном совещании в форме немногочисленной Директории, связанной общей ответственностью и включающей в свой состав главнокомандующего всеми русскими силами на юге России» (т. е. Деникина.—С. А.).

Надо ли добавлять что-нибудь к этой превосходной характеристике «социалистов», лобызающих сапоги русских и англо-французских генералов?

Периоду Директории, пришедшему на смену гетманщине, посвящена, кроме рассмотренной выше статьи Винниченко, также статья Марголина «Украина и политика Антанты».

Статья эта интересна главным образом характеристикой международных отношений и внешней политики украинской Директории. Но она дает кое-что и о внутреннем положении страны в этот период. Прежде всего она вносит некоторое уточнение в столь распространенное мнение о «левизне» первого председателя Директории Винниченко,—левизне, которой так кокетничает этот «почти коммунист» в своей собственной статье в настоящем сборнике. Марголин, обывательски-буржуазная физиономия которого достаточно ясно рисуется его собственным произведением, был несколько не правее своих сотоварищей по партии—так называемых украинских «социалистов-федералистов», которым наименование «социалистов» приличествовало не более, чем российским кадетам. Этому-то Марголина с его партийными товарищами, по его признанию, Винниченко приглашал в состав своего «левого» правительства как раз в медовый месяц Директории, еще до занятия ею Киева, еще тогда, когда она осмеливалась разговаривать с Антантой не совсем рабым языком.

«Оставайтесь с нами,—гостеприимно приглашал Винниченко Марголина с компанией,—все равно вы—наши будущие министры».

Что касается внешней политики Директории, то укажем пре-

жде всего на то, что Марголин в качестве «очевидца» подтверждает подготовку того договора Директории с французскими дипломатами в Одессе, по которому почтенные «государственные деятели» Украины ради помощи в борьбе с большевиками соглашались собственными руками превратить Украину во французскую колонию, сверх того, «выгнать как собаку» своего председателя Винниченко из состава Директории и заменить «левое» министерство Чеховского более правым. Как сообщает Марголин, несмотря на то, что и Винниченко и Чеховский были выброшены из состава украинского правительства, так сказать, авансом, договор, однако, не осуществился,—не из-за того, чтобы украинские политики запнулись перед каким-нибудь порогом унижения и предательства, а только потому, что французам пришлось спешно эвакуировать Одессу в начале апреля 1919 г., и договор с петлюровцами потерян для них всякий интерес.

Из дипломатической деятельности Марголина представляют интерес его переговоры с французами по поводу еврейских погромов на Украине. О самых погромах Марголин много не распространяется, и мы понимаем его «деликатное» положение еврея и вместе с тем члена петлюровского правительства, этого, можно сказать, «исторического» правительства погромщиков. Марголин отводит погромам всего несколько строк:

«...Начались страшные, жестокие февральские и мартовские погромы. Прибывающие из Балты, Анасьева, Проскурова и других городов и местечек очевидцы погромов рассказывали о таких зверствах, которые превосходили все, что могло себе представить воображение, и вызывали в памяти печальные дни 1903 г. в Кишиневе».

Еще в бытность в Одессе автор «умолял» влиятельнейшего члена французской миссии Фреданбера выпустить от имени Франции или Антанты печатный протест против погромов. Можно вполне верить Марголину, что такой протест был бы достаточно убедителен для того правительства, членом которого состоял он сам. По словам Марголина, далеко за пределами полосы французской оккупации,—вплоть до Жмеринки и Винницы,—

«все на вокзалах почтительно подтягивались, когда проносился лишь слух, что у станции стоит или ожидается поезд, в котором едет хотя бы один французский офицер».

Однажды в одном поезде с Маргольным ехал курьер французского командования с пакетами.

«И уже этого было достаточно, чтобы в Одессе нам дали и паровоз и пропуск. Было ясно, что французы могли бы без всякого труда занять двумя-тремя батальонами всю линию от Бирзулы до Винницы, а также и линию Жмеринки—Проскуров. И тогда не было бы ни анархии, ни погромов».

Однако французские дипломаты, которые с такой готовностью «соглашались» взять на себя управление железными дорогами и финансами петлюровской Украины и даже командование ее армией, которые указывали Петлюре, в каком направлении

следует изменить аграрное законодательство страны, каких министров «выгнать как собак» и каких включить в состав правительства,—эти французские дипломаты сочли для себя чересчур неделикатным уступать «мольбам» Марголина и выпустить декларацию по поводу еврейских погромов: они не пожелали «вмешиваться во внутренние дела Украины».

Столь же безрезультатными оказались старания Марголина уже в Париже добиться печатного выступления Франции против погромов на Украине от всесильного тогда Клемансо, также не пожелавшего вмешиваться во внутренние дела Украины.

Ценный материал о позициях французских оккупантов в отношении украинского вопроса мы находим еще в частью рассмотренной выше статье Деникина. Конец этой статьи как раз и посвящен периоду французской оккупации Одессы (декабрь 1918 г.—март 1919 г.). Все поведение оккупантов свидетельствовало о том, что, захватив одну Одессу с Николаевом, Очаковом и гинтерландом, оккупанты считали себя уже всерьез подлинными хозяевами Украинской «народной» республики. В оправдание им надо сказать, что именно так на них смотрели и сами «щирые» украинцы, делавшие политику, притом обонх лагерей, представители которых облюбовали «интернациональную» Одессу: как «социалистические» петлюровцы, так и правые черносотенцы, последыши гетмана, надеявшиеся с помощью французов снова попользоваться благами власти. Разница между теми и другими не всегда, впрочем, была явственна. Петлюровский военный министр, русский генерал Греков

«по мере развала армии и правительства... стал вести свою особую линию, «жертвуя» уже и Петлюрой и являясь претендентом на роль главы Директории или диктатора. В то же время его агенты стремились привлечь одесское офицерство и в особенности генеральный штаб на украинскую службу широкими денежными посулами и обещаниями «федерации и даже монархии».

Среди гетманских «украинцев», заискивавших у французов, видную роль играли:

«Харьковский помещик, председатель отделения союза русского народа Котов-Коношенко, претендовавший на гетманский «стол», и киевский помещик, бывший чиновник канцелярии ген.-губернатора Григоренко».

Французы были очень непрочь пойти по стопам немцев и организовать в Одессе «национальное» правительство, которое в такой же мере было бы их слугою, в какой гетман был слугою немцев. Но в отличие от немцев французы хотели организовать «демократическое» правительство. Как раз в поисках кандидатов в члены этого демократического правительства французы и остановились на двух названных черносотенцах.

«Французское командование в поисках «подлинно-демократических» течений вело оживленные переговоры с ним (Котовым-Котошенко) и Григоренко и в их кругах искало людей для нового правительства; в частности Григоренко состоял неизменным кандидатом во всех французских комбинациях новой власти».

Каковы же были планы организаторов этой власти? Об этом мы узнаем из приводимого Деникиным содержания докладной записки, представленной французскому командованию названным Котовым-Котошенко. Вот ее программа:

«1. Верховная власть в Малороссии принадлежит «гетману, воеводе или верховной красной раде». 2. При ней—верховный совет из представителей добровольческой армии, народной громады и хлеборобов-собственников». 3. «Краевая армия», созданная путем мобилизации «нмущих классов при участии хлеборобческих громадянских организаций», с офицерским составом преимущественно «из местных офицеров-хлеборобов». 4. Лозунг—«неприкосновенность собственности на землю... Требуется «законное разрешение свободной купли-продажи земли».

Вероятно, симпатии французов к такого рода планам организации власти были в немалой степени куплены исходившими из той же группы русско-украинских черносотенцев экономическими проектами, например,

«проектом разрешения аграрного вопроса в России: иностранный консорциум, скупающий у помещиков землю и перепродающий ее после парцелляции крестьянам с большим дивидендом...»

Мы видим, что собранный в предлагаемом сборнике материал оставляет вне всякого сомнения следующее положение: все сменявшие друг друга на Украине контрреволюционные режимы, а в эту категорию мы можем после всего сказанного с полным правом отнести также и якобы «социалистические» системы Центральной рады и Директории,—не только были неспособны разрешить настоятельные задачи революции, они могли только усиливать и обострять противоречия в стране, порожденные войной и революцией. В частности относительно мелкобуржуазных украинских «социалистов» необходимо подчеркнуть с особой настойчивостью, что они обнаружили полнейшую неспособность довести до конца даже буржуазно-демократическую революцию, хотя бы в одной из основных ее задач. Несмотря на все свои провозглашения «национально-персональных автономий», «трудовые конгрессы» и прочие прекрасные вещи, это был режим еврейских погромов и перекрашенных вывесок, режим атаманской контрреволюции как на местах, так и в центре. И если о русских меньшевиках и эсерах можно было с полным правом сказать, что они расчистили путь и подготавливали пришествие Колчака, то их украинские собратья, приведя войска германских оккупантов в советскую Украину, собственноручно подготовили свое позорное падение и водворение гетмана. Всего менее оказались способными эти «социалисты» осуществить аграрную революцию; они ограничились взамен того лишь провозглашением «социализации земли», а то, что в этом направлении было осуществлено самим крестьянством, было целиком уничтожено приведенными Центральной радой оккупантами и подготовленным ею гетманом.

Естественно поэтому, что всякий раз, когда советская власть побеждала на Украине, она оказывалась перед неразрешенными задачами буржуазно-демократической революции, а прежде всего—

перед необходимостью развязывания революции аграрной. Но это же было также и причиной того, что при каждой победе контрреволюции советская власть становилась лозунгом не только украинского пролетариата, но и широчайших масс крестьянства, жестоко расплачивавшихся, вместе с пролетариатом, за свои советские симпатии.

Окончательная победа советской власти на Украине в 1920 г. внесла в эти взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством такие же изменения, какие произошли в них и в советской России весной 1918 г. Перенесение социалистической революции в деревню раскололо украинское крестьянство: незаможники остались решительными и последовательными сторонниками союза с пролетариатом, тогда как «куркули» (кулачество) были отброшены в лагерь контрреволюции, при нейтрализованном середняке. Этим объясняется широкая полоса кулацких восстаний, атамашины и бандитизма на Украине в 1920 г. Новая экономическая политика, установившая для данного этапа революции правильные взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством, подорвала экономические корни кулаческой контрреволюции и на Украине, обеспечив союз между пролетариатом и основной массой бедняцко-середняцкого крестьянства. То, что заявил через полтора года после введения новой экономической политики, на IV конгрессе Коминтерна, Ленин, относится в равной степени как к русскому, так и к украинскому крестьянству. «В 1921 г.,—сказал Ленин,—мы безусловно имели налицо недовольство громадной части крестьянства... Как обстоит дело теперь, после того как мы ввели новую экономическую политику, после того как мы предоставили крестьянам свободу торговли? Ответ ясен... Крестьянские восстания, которые ранее, до 1921 г., так сказать, определяли общую картину России, почти совершенно исчезли. Мы спокойно можем утверждать, что крестьянство довольно своим настоящим положением» (т. XVIII, ч. 2, стр. 93). А принятая партией впоследствии, на XV съезде, линия решительного выкорчевывания корней капитализма в стране, линия планомерной социалистической реконструкции индивидуального крестьянского хозяйства и пошедшее ей навстречу бурное стремление самого крестьянства к коллективизации убивает и на Украине, как и во всей советской стране, самую возможность успеха как буржуазно-помещичьей, так и кулаческой контрреволюции, ибо она изменяет самую социальную природу крестьянина, превращая его из мелкого товаропроизводителя в работника крупного обобществленного сельского хозяйства.

С. Алексеев.

Из киевских воспоминаний

(1917—1920 гг. ¹)

I. Эпоха Временного правительства

(Февраль—октябрь 1917 г.)

Накануне. — Первые дни. — Организация местной власти. — Первый украинский съезд. — Киевский исполнительный комитет и его члены. — Наш конфликт с украинцами. — Приезд Церетели. — Соглашение с украинцами и вступление «меньшинств» в Центральную раду.

В конце февраля 1917 года в Киеве ничто не предвещало великих событий, на самом пороге которых мы находились.

Убийство Распутина, повидимому, не произвело у нас того впечатления, которое мне пришлось наблюдать в Петрограде, где я как раз в эти дни был. Последовавшие затем предсмертные судороги реакции—премьерство кн. Голицына, увольнение министра народного просвещения гр. Игнатьева, двухкратное отсрочивание думской сессии,—все это было воспринято, как очередной поворот вправо, как политический эпизод, которых было и которых будет еще так много...

На фронте было зимнее затишье, продовольственное положение не обострялось, и жизнь текла своим чередом. Наша провинциальная общественность концентрировалась главным образом вокруг трех военно-общественных организаций: Земского союза, Союза городов и Военно-промышленного комитета. Руководящие органы всех этих учреждений состояли сплошь из прогрессивных элементов—земцев, городских деятелей и промышленников. Во главе областного комитета Земсоюза стоял С. П. Шликевич, во главе Согора—барон Ф. Р. Штейнгель, председателем Военно-промышленного комитета был с самого его основания Михаил Иванович Терещенко—баловень судьбы, обладавший колоссальным богатством и пользовавшийся исключительными симпатиями в торгово-промышленных и общественных кругах. Все проникавшие к нам частные сведения о беспорядках в деле снабжения армии, о тлетворном влиянии Ставки, об антагонизме между отдельными военачальниками—все это обычно шло через эти комитеты. В их же канцеляриях перепечатывались на машинках и оттуда распространялись бес-

¹ «Архив русской революции», т. VI, Берлин 1922 г.

¹ Алексеев. Революция и гражданская война на Украине

численные списки со знаменитых речей Милукова, Шульгина и Маклакова в заседаниях Государственной думы 1 и 3 ноября 1916 года.

Партийные и национальные организации хотя и существовали у нас с самого 1905 года, но работали довольно вяло. Левые партии работали в подполье. Из полулегальных политических организаций был замечен, пожалуй, только областной комитет партии народной свободы, во главе которого, после смерти Е. Г. Шольпа, стоял один из самых видных и уважаемых киевских деятелей—Д. Н. Григорович-Барский. В качестве суррогата еврейской национальной организации существовала некая «Комиссия общих дел», числившаяся при суррогате еврейской общинной организации—«Представительстве по делам еврейской благотворительности при киевской городской управе». Дело же помощи многочисленным еврейским беженцам и высленцам из прифронтовой полосы сосредоточивалось в так называемом КОПЕ—«Киевском обществе помощи евреям, пострадавшим от военных бедствий». В обоих учреждениях преобладали политически-умеренные элементы еврейства—сионисты, кадеты, крупные торговпромышленники, и оба подвергались систематическим нападкам со стороны евреев-социалистов, взгляды которых выражал в печати талантливый сотрудник «Киевской мысли» М. Лиров.

Повторяю: к концу февраля 1917 года наша киевская атмосфера не была сгущена более, чем обыкновенно, и ничто не предвещало близкой грозы.

Но вот однажды вечером—должно быть, это было 28 февраля или 1 марта—получилась в Киеве знаменитая телеграмма за подписью Бубликова, назначенного комиссаром Комитета государственной думы в министерство путей сообщения. Телеграмма эта с быстротой электрической искры распространилась по городу. Все были в этот вечер у телефона, читая, слушая, перечитывая и переспрашивая.. Никто не знал, кто такой Бубликов; стали справляться по стенографическим отчетам Государственной думы, и пришлось удовлетвориться тем, что он—депутат, инженер и, если не ошибаюсь, член партии прогрессистов. Ни в подлинности телеграммы, ни в решающем значении происшедшего переворота не могло быть сомнений; порукой служил включенный в телеграмму текст воззвания Родзянко к населению. Опасались только одного: как бы ход событий не повернул обратно.

Все в эти дни ждали известий, жаждали узнать подробности. Получаемые в редакциях газет телеграммы переписывались и распространялись по городу—чаще всего в перепутанном и невразумительном виде. А по утрам мы выбегали на улицу и часами простаивали в очередях у газетных киосков.

Настроение было праздничное. Да и как было не радоваться? Грандиозный переворот, осуществление вековой нашей мечты мы получили как бы в подарок, без борьбы и усилий, без крови и стонов...

В первые дни революции эти чувства были всеобщими.

Были, вероятно, сожаления о старом режиме, были, может быть, и встревоженные за свою собственность, но они терялись в общей массе. Разумеется, эта масса радующихся и торжествующих не была однородна. С первых же дней можно было провести демаркационную черту между сторонниками «углубления революции» и более умеренными элементами. Это отразилось прежде всего на различном отношении отдельных групп к актам отречения Николая II и Михаила Александровича. Отречение Николая было, впрочем, встречено всеми, как что-то естественное и неизбежное. Но еще до 3 марта население Киева ознакомились с речью Миллюкова, в которой он говорил о регентстве, и многие ждали именно такого выхода из положения. Личность Михаила Александровича внушала доверие; он слыл англоманом, и многих вполне удовлетворяла перспектива иметь его в качестве «царствующего, но не управляющего» монарха. Опасались, как бы переход к совершенно новой власти не был воспринят широкими массами, как переход к безвластью; и думали, что сохранение в этот момент монархии способствует развитию у народа чувства преемственности власти и поможет предотвратить анархию. Поэтому, повторяю, к отречению великого князя отнеслись различно; не все в эти первые дни радовались этому отречению.

Нельзя, однако, не признать, что в этом вопросе умеренные были в ничтожном меньшинстве и что правы оказались те, которые говорили: «вот вы увидите, в России через две недели не будет больше монархистов»...

Второй вопрос, в оценке которого разошлись мнения «углубителей» и умеренных, это был состав Временного правительства. Против большинства назначений, впрочем, ничего нельзя было возразить. Несколько удивлял Некрасов в качестве министра путей сообщения: мы тогда еще не привыкли к парламентаризму и к замещению технических постов профанами; никто не ожидал увидеть Терещенко министром финансов. Но наибольшей неожиданностью было, несомненно, назначение Керенского. Никто не сомневался в том, что министром юстиции будет В. А. Маклаков. И замене его Керенским радовались тогда только самые ярые «углубители». Впрочем, быстро возрастающая популярность Керенского, его пламенные речи и роль, которую он, как затем выяснилось, сыграл в событиях, скоро примирили всех с передачей такому молодому и экспансивному депутату поста генерал-прокурора Российской державы.

Как организовалась в Киеве первая революционная власть? Организационным центром оказалась городская дума,—впрочем, в большей мере думское здание, чем личный состав городской управы или гласных. Октябристское большинство думы, политически бесцветную управу и городского голову Ф. С. Бурчака тотчас же перегнали и обошли события. Но в залах думы стали собираться представители организаций и партий, к которым перешла власть,

и из числа гласных были взяты лица, ставшие во главе ее. Это отчасти придало организации новой власти такой характер, как будто она исходит от городской думы.

В образовавшемся органе были представлены все существовавшие в Киеве общественные, культурные, просветительские и национальные организации, а также представители возникших сейчас же Советов рабочих и военных депутатов. Это импровизированное представительство организованной киевской общественности вылилось в «совет объединенных общественных организаций города Киева». Однако этот орган сейчас же оказался слишком громоздким, и из его состава был выделен «исполнительный комитет», к которому фактически и перешла вся власть. В первый состав исполнительного комитета вошли представители городской думы (Н. Ф. Страдомский, Д. Н. Григорович-Барский), Земского союза (С. П. Шликевич), Городского союза (бар. Ф. Р. Ютейнгейль), Военно-промышленного комитета (проф. Ю. Н. Вагнер), украинских организаций (А. В. Никовский), еврейских организаций (И. Фрумин), рабочих (П. И. Незлобин, А. В. Доротов), военных (офицер Карум, солдат Зайцев) и др. Этот «исполнительный комитет» (никто тогда не чувствовал потребности сокращать это наименование в «исполком») и стал в первые полгода революции представителем власти Временного правительства в городе Киеве ¹.

Я ближе познакомился с этим учреждением, когда (в конце апреля) вступил в число его членов. В первые же два месяца революции моя общественная работа ограничивалась участием в еврейских национальных организациях. К ним-то и относятся поэтому мои первые наблюдения и воспоминания.

В качестве участника делегации от «Совета объединенных еврейских организаций г. Киева» я впервые мог присмотреться ближе к самопроизвольно зародившимся органам—«исполнительному комитету», совету рабочих депутатов и совету военных депутатов. Они помещались тогда в Дворянском доме, на Думской площади.

Чего-чего только не видел за эти годы в своих стенах этот серый дом, в котором до 1917 г. заседали одни только сонные генералы из дворянской опеки и дворянского депутатского собрания! В

¹ По примеру Исполнительного комитета Госуд. думы наш Исполнительный комитет назначил своих комиссаров в отдельные городские учреждения; впоследствии большинство из назначенных комиссаров стали начальниками этих учреждений. Так, комиссар судебных учреждений Д. Н. Григорович-Барский стал старшим председателем судебной палаты, комиссар военного округа К. Оберучев — начальником округа, комиссар почты и телеграфа А. Н. Зарубин — начальником почтово-телеграфного округа. Кроме названных были еще назначены: комиссар учебного округа Архимович, комиссар духовной консистории о. Постолюцкий. Губернским комиссаром согласно общему распоряжению Временного правительства, сделался председатель губернской земской управы М. А. Суковкин. При нем был свой губернский исполнительный комитет и свой губернский совет общественных организаций. Эти губернские органы, представлявшие все уезды без г. Киева, с самого начала были окрашены в украинский цвет.

1917 г.—исполнительный комитет, а затем (после его переезда во Дворец)—Совет профессиональных союзов, в 1918 г.—немецкая комендатура, военно-полевой суд и пр. армейские учреждения, в 1919 г.—совнархоз, в 1920—1921 гг.—клуб какой-то красноармейской части...

В марте 1917 г. здание и мебель еще не были потрепаны, и помещение производило довольно эффектное впечатление. Исполнительный комитет стоя выслушал наше приветствие, на которое в теплых выражениях отвечал его председатель Н. Ф. Страдомский.

То была—в Киеве, как и во всей России,—эпоха приветствий, и я тогда уже от души жалел председателей всех этих приветствуемых учреждений и искренно удивлялся их долготерпению. Ведь каждый из нас—членов депутатий—приходил по одному разу; но каково было им всех нас выслушивать и каждому отвечать!.. Киевский «исполнительный комитет» буквально осаждался желавшими его приветствовать. И особенно любопытно было наблюдать, как самые благонамеренные правительственные учреждения—губернское правление, консистория, суд, учебный округ и т. д.—одно за другим извлекали из своей среды самого либерального, а потому наиболее затертого сочлена и его устами выражали пред исполнительным комитетом свой восторг по поводу совершившегося переворота. В течение двух месяцев такие депутатии являлись почти каждый день; говорились речи, и затем члены исполнительного комитета поднимались с мест, пожимали руки депутатам и благодарили их...

Из президиума совета рабочих депутатов нас встрѣтил один только товарищ председателя А. В. Доротов. Наиболее торжественным оказалось посещение военного совета. В тот день в театре Бергонье было общее собрание офицеров киевского гарнизона. Мы решили передать ему наше приветствие и посетили это собрание. Я помню, как, стоя за кулисами и ожидая своей очереди, мы слушали одно за другим выступления офицеров. Все выступавшие как будто искренно желали служить новому строю. Но все были в ужасе от начинавшейся дезорганизации среди солдат, в ужасе от своего трагического бессилия. Помню, речь шла об организации охраны тюрьмы¹. Никто не хотел браться за командование предназначенной для этого частью. Положение становилось все более и более напряженным. По просьбе председателя выступил полковник К. Оберучев—сотрудник «Киевской мысли», назначенный тогда комиссаром, а вскоре затем начальником Киевского военного округа. Он прочел собравшимся целую лекцию об организации

¹ В Киеве, (как, вероятно, и в других городах) известие о совершившемся перевороте вызвало большое возбуждение среди тюремных сидельцев. Их ум никак не мог обнять того, что воцарившаяся «свобода» не может растворить их узлище. По поручению Исполнительного комитета в тюрьму ездили судебный комиссар Д. Н. Григорович-Барский, Я. С. Гольденвейзер и др., пытаясь разъяснить заключенным смысл происшедших событий и примирить их с своей судьбой. Требовались, однако, и более реальные меры охраны.

службы и дисциплины в деморализованной армии. Его речь несколько подняла настроение, и, наконец, среди собравшихся нашелся смельчак, взявший на себя миссию охранять губернскую тюрьму.

8 апреля в традиционном зале купеческого собрания открылся Всеукраинский национальный съезд. Помню этот зал, переполненный молодой, чужой мне по настроениям и говору толпой. Помню седую голову проф. М. С. Грушевского, занимавшего центральное место за столом президиума. Помню его волшебную власть над всей этой неотесанной аудиторией. Достаточно было поднять руку с цветком белой гвоздики, которой был украшен стол, и зал затихал... После дипломатических приветствий председателя исполнительного комитета Страдомского и губернского комиссара Суковкина слово получил председатель еврейского совета д-р Быховский. Он произнес краткую, сдержанную речь (над редакцией которой мы проработали весь предыдущий вечер) и импровизированное заключительное приветствие Грушевскому, скрепленное публичным лобызанием...

8 апреля 1917 года был первый смотр украинских национальных сил и первая встреча украинской и русской общественности после революции. И приветствия, и поцелуи—все это было прекрасно и даже трогательно. Но от внимательного наблюдателя не могли уже в этот день ускользнуть предвестники совсем иных встреч в близком будущем.

В конце апреля из совета объединенных еврейских организаций вместе с остальными социалистами вышел наш делегат в исполнительном комитете И. О. Фрумин, и я был избран на его место.

Участие в исполнительном комитете, продолжавшееся с этого времени вплоть до выборов в городскую думу и ликвидации комитета, было одним из самых напряженных и интересных для меня моментов в моей общественной работе. Так же, как впоследствии участие в Центральной раде, оно дало мне возможность некоторое время стоять в самой гуще политической жизни города и края. И вместе с тем тогда мы не чувствовали себя еще, как затем в раде и еще более при большевиках, бессильными зрителями роковых событий. Напротив, именно тогда казалось, что открывается поле широкой и плодотворной работы...

Исполнительный комитет заседал тогда в бывшем императорском дворце—очаровательной постройке Растрелли, небольшой, изящной и уютной, расположенной среди зелени царского сада. Очередные заседания происходили в одной из гостиных, а в особо торжественных случаях—в парадной зале дворца.

Я уже говорил о происхождении и составе Исполнительного комитета. Это был центральный орган, в который входили делегаты главнейших организаций, представленных в «Совете объединенных общественных организаций города Киева», а также представители советов рабочих и военных депутатов; впоследствии к этому основному зерну присоединились делегаты главнейших политических пар-

тий. Председателем комитета был гласный городской думы, заслуженный общественный деятель и прогрессивный кандидат в Государственную думу по 1 курии, доктор Николай Федорович Страдомский. Это был хороший работник и довольно тактичный руководитель прений, хотя и недостаточно властный и авторитетный. Он жил в мире и согласии со всеми партиями, старался не ссориться даже с большевиками и не обострять отношений с украинцами. Никакой своей политической линии он не вел, и вся его работа сводилась, с одной стороны, к техническим функциям, а с другой,—именно к проведению такой примирительной тактики.

К сожалению, внутренние разногласия неудержимо обострились, и *à la longue* (надолго) сглаживать углы оказывалось невозможным. Однако показателем несомненного успеха тактики нашего председателя явилось то, что он, не принадлежа ни к одной из партий и не имея особенно близких личных связей в комитете, в конце концов оказался наиболее приемлемым кандидатом в городские комиссары. На этот пост Н. Ф. Страдомский и был нами избран в июне 1917 г.; он оставил его в начале сентября, после восстания Корнилова.

В соответствии с коалиционным характером Исполнительного комитета он имел трех товарищей председателя, по одному от каждой из составлявших комитет организаций: представителя совета общественных организаций Д. Н. Григоровича-Барского, рабочего А. В. Доротова и офицера Л. С. Карума.

В противоположность Н. Ф. Страдомскому Григорович-Барский был вполне определенной политической фигурой. Это был признанный лидер киевских кадетов. И это его кадетство по условиям момента, к сожалению, мешало ему пользоваться тем влиянием в комитете, которого он заслуживал. При величайшем личном уважении левое большинство комитета не могло все же оказывать ему достаточного политического доверия. А между тем это был, несомненно, наиболее дельный человек в нашей среде...

Второй товарищ председателя—Алексей Васильевич Доротов—был вместе с тем товарищем председателя совета рабочих депутатов. Он был эсдек-меньшевик, ярый враг большевиков и украинцев. Доротов был всеобщим любимцем в комитете. Подлинный самородок, незатуманенный социалистическим доктринерством, с огненным темпераментом и живым, практическим, здравым умом, с успехом восполнявшим пробелы его образования,—он был из тех рабочих, которые в Европе становятся величайшими парламентариями и государственными деятелями—Бернсами, Бебелями, Эбертами. Как просто и достойно этот вчерашний наборщик, среди блеска и позолоты царского дворца, председательствовал в заседаниях, в которых участвовали министры...

А. В. Доротов умер от болезни сердца,—кажется, в 1919 г.—всего 34 лет от роду.

Я хочу здесь же сказать о других самородках, выдвинувшихся в первые же дни революции. Председателем СРД был П. И. Не-

злобин, также бывший печатник, по партийной принадлежности эсер. Это была значительно менее яркая фигура, чем Доротов. Он, подобно петербургскому рабочему Гвоздеву, выдвинулся в качестве руководителя рабочей группы Военно-промышленного комитета. Незлобин был хорошим оратором, человеком решительным и стойким. Но над ним тяготело проклятие российской «широкой натуры»—необузданность, безалаберность и даже—увы!—падкость к алкоголю. Крупнейшей фигурой в Совете военных депутатов и председателем этого Совета был солдат Е. Я. Таск. Он изредка принимал участие в заседаниях нашего комитета, но не здесь мог он развернуться во всю свою ширь. Настоящим его поприщем были митинги и многоголовые собрания рабочих и солдат. Он и сохранял над ними свою власть, пока это было возможно для такого убежденного оборонца...

Наконец третий товарищ председателя Исполнительного комитета офицер Л. С. Карум не играл большой роли. Зато значительным влиянием пользовался энергичный секретарь комитета И. О. Фруммин.

Наряду с указанными выше крупнейшими политическими организациями города Киева в Исполнительном комитете был также представлен «Коалиционный совет киевского студенчества». Повидимому, допущение представителей от студентов в высший орган местной власти было сделано во внимание к старым заслугам учащихся высшей школы в освободительном движении. Но когда настроения первого момента несколько осели, и пришло время приступить к серьезной организационной работе, дефилирование студентов и курсисток, особенно на наших соединенных заседаниях (о них речь впереди), производило впечатление чего-то не вполне уместного.

Очередные заседания Исполнительного комитета происходили три раза в неделю, примерно от 1 часа до 5 часов дня. В остальные дни заседал президиум комитета. Председательствовал всегда Страдомский, членов комитета собиралось в обыкновенные дни человек десять. Прения по каждому вопросу, как водится на русских заседаниях, затягивались бесконечно, и повестка никогда не бывала исчерпана к концу заседания. Она переходила, разбухая и удлинняясь, с одного заседания на другое.

Выше я описал личный состав и внешнюю картину деятельности Киевского исполнительного комитета. Что касается внутреннего содержания этой деятельности, то к ней можно применить изречение: довлеет дневи злоба его. Заседания наши были посвящены вопросам, захватывавшим тогда все наше внимание, вопросам, которым мы придавали большое значение и из-за которых готовы были спорить целые ночи напролет. Теперь почти все это покрылось забвением, а то, что припоминается, кажется эфемерным, а иногда и мелким, и суетным... С Советами—рабочим и военным—жили более или менее мирно. Большинство в них принадлежало тогда оборонцам, а в своей тактике по отношению к Исполнительному комитету они, к счастью, не подражали своему петроград-

скому собрату с его доверием «постолюк-посколюк». Из столкновения с Советом рабочих депутатов я припоминаю только довольно резкий конфликт по поводу самочинного закрытия магазинов, в которых работали штрейкбрехеры.

Наша жизнь была наполнена интересами и вопросами момента. Но самое главное и решительное в ней было то, что позади всех этих очередных вопросов и забот поднималась и заполняла все большую и большую часть горизонта грозовая туча украинского сепаратизма (большевистская опасность была в ту эпоху в Киеве еще не на очереди). Мы все видели эту тучу и чувствовали ее приближение; и это налагало отпечаток какой-то мрачности на наши мысли и настроения.

Центральная украинская рада была избрана, как я уже упоминал, на съезде «спилок» в апреле 1917 года. Тогда же председателем рады был единогласно избран проф. М. С. Грушевский. Первоначально мы смотрели на раду как на чисто национальное объединение, наподобие нашего «совета объединенных еврейских организаций» и «Польского исполнительного комитета»¹. Еврейский совет даже пытался конкурировать с радой, хлопоча перед Исполнительным комитетом о предоставлении ему помещения в Педагогическом музее. Однако этот последний остался в исключительном обладании украинцев и стал их штаб-квартирой. Оттуда и начали исходить нити, постепенно охватившие провинциальные города и даже деревни Украины, а также и армию. Украинские деятели проявили в эту эпоху большую энергию и сумели в короткое время создать широко разветвленную, крепкую организацию. До поры до времени, однако, все оставалось в рамках чисто национального движения, отнюдь не претендующего на захват власти. Временное правительство признавалось, и против него итти еще не решались. Но уже очень скоро рада перестала считаться с властью нашего Исполнительного комитета или, во всяком случае, стала смотреть на себя как на орган автономный и независимый от местных «российских» учреждений.

Эта тенденция впервые проявилась в обращении Центральной рады к Временному правительству с особой декларацией, заключавшей в себе целый ряд национальных требований. Декларацию эту повезли в Петроград особые посланцы рады, во главе с Винниченко.

Эта-то депутация к Временному правительству, посланная за спиной его местного органа—Исполнительного комитета, и послужила сигналом к началу внутренней борьбы между комитетом и радой. На ближайшем заседании комитета Страдомского спросили, известен ли ему этот факт и считает ли он нормальным, чтобы

¹ Этот последний возник приблизительно одновременно с еврейским советом и был построен приблизительно на тех же началах. Председателем комитета был И. И. Бартошевич (н.-д.), его товарищем И. Н. Пересвет-Солтан. Судьба «польского исполнительного комитета» также напоминала участь еврейского совета: раскол, выход левых, маразм и смерть.

такого рода сношения велись с Временным правительством помню нас и без нашего ведома. Помню, как наш миролюбивый председатель сейчас же сказал, что лучше не касаться этого большого места. Но было уже поздно. Вопрос вызвал прения, в которых было отмечено, что представитель украинских организаций перестал посещать заседания комитета и что рада вообще начинает держать себя, как государство в государстве. Как водится, наши разговоры окончились тем, что было решено созвать соединенное заседание с рабочими, военными и студенческими депутатами. На следующий день все это было воспроизведено в газетах под многозначительным заголовком «Украинский вопрос в Исполнительном комитете». Через пару дней состоялось соединенное заседание, и на нем все партийные и групповые представители получили возможность выступить с широковещательными декларациями. Я упорно молчал, получив от президиума еврейского совета реприманд за недипломатическое выступление в комитете...

В конце концов Исполнительный комитет послал в Петроград контр-депутацию (в составе д-ра Фрумина и еще кого-то), которой, однако, оказалось нечего делать, так как Временное правительство и без того отклонило все требования рады¹. Исполнительный комитет был удовлетворен, «Киевская мысль» торжествовала, но украинцы сумели tirer les conséquences (сделать выводы)...

Агитация Центральной рады, начиная с этого момента, приняла более резкий и боевой характер. Вместо простого будирования против Временного правительства, стали раздаваться призывы к освобождению из-под его «узурпаторской» власти; вместо игнорирования Исполнительного комитета, рада вступила на путь прямой оппозиции и борьбы против него.

Был издан и торжественно оглашен на Софийской площади «Универсал», в котором припоминались все преступления московской власти против Украины и который заканчивался призывом к украинскому народу сплотиться вокруг своего органа. Стали созываться украинские войсковые съезды, сначала воспрещенные, а затем в сознании своего бессилия дозволенные Керенским, на которых проповедь сепаратизма раздавалась все громче и громче. «Передайте Киевскому исполнительному комитету,—говорил на одном из таких съездов украинский эсер Ковалевский городскому голове Бурчаку, не впадая появившемуся с приветствием,—что украинский народ признает над собой только одну власть—Центральную раду»... А Исполнительному комитету не оставалось ничего иного, как молча все это выслушивать...

Для всех было ясно, что сила украинского движения лежит главным образом в слабости его противников. Его же собственная

¹ В чем состояли эти требования, я теперь точно не помню. Кажется, речь шла в них об официальном допущении украинского языка, о выделении украинских частей и об отдельном участии украинской делегации на предстоявшем международном мирном конгрессе.

сила и быстрота распространения обуславливались доступностью и завлекательностью лозунгов, с которыми оно тогда подходило к массам. Национальный подъем, несомненно, играл известную роль. Но он не мог быть таким могучим и всенародным. Секрет успеха национальной украинской агитации был в том, что она—так же, как впоследствии агитация большевистская—вполне угождала желаниям и склонностям широких, по преимуществу сельских масс. Крестьянам внушалось, что Центральная рада защитит их от невыгодного общего передела земли с безземельными крестьянами севера. Их настраивали против Временного правительства, требовавшего от них все новых и новых жертв и настаивавшего на выполнении всех старых повинностей. Им внушали мысль, что не Украина затеяла войну и что поэтому они не обязаны воевать.

Широкие массы воспринимали возвещенные Центральной радой лозунги именно в таком, полуанархическом и полудезертирском, смысле. И они пошли за радой—впрочем, ненадолго. Полгода, а затем вторично полтора года спустя, те же самые Винниченко и Петлюра не могли ничего противопоставить тем уже вполне откровенно анархическим и дезертирским лозунгам, с которыми двигались на Украину большевики. И, как Гетевский «Zauberlehrling», украинские лидеры не смогли совладать с духами, которых они же вызвали наружу...

В эпоху Временного правительства к украинцам постоянно обращались с увещанием: «подождите, мол, до Учредительного собрания». Этот аргумент при трезвом взгляде на вещи нельзя не признать несколько прекраснородным и наивным. Ведь для всех было ясно (а яснее всего для самих украинцев), что при Учредительном собрании их позиция будет во всех отношениях слабее, чем теперь. Зачем же им было ждать его?

Но, как бы то ни было, факты оставались фактами. Временное правительство (особенно после неудачи июньского наступления) все слабело, а вслед за ним ослабевал и представлявший его в Киеве Исполнительный комитет. А украинцы, учитывая изменившееся соотношение сил, довольно искусно эксплуатировали в свою пользу все прошлые и настоящие грехи российской власти и российской интеллигенции.

К этому времени (дело было в середине июня) относится последняя попытка Исполнительного комитета найти спасительный компромисс и помириться с радой. После нескольких довольно бесплодных заседаний с украинскими представителями¹ Лепарский внес довольно неожиданное предложение—устроить следующую встречу на пароходе. И вот, в один из прекрасных июньских вечеров состоялось катанье по Днепру, в котором приняли участие все революционные властители города Киева. Были приглашены и украинцы, причем сам Грушевский нас не удостоил, но явился Винниченко и целый ряд *deorum minorum* (младших богов). Больше

¹ Проф. Грушевским и Винниченко.

всех был доволен катаньем его инициатор Лепарский, распевавший песни во всю свою богатырскую грудь. Но остальные участники, менее поддавшиеся действию вина и свежего воздуха, чувствовали некоторую натянутость. Украинцы и за столом сидели отдельно, и на шутливо-примирительные тосты отвечали довольно угрюмо. Помню, как тот же Лепарский, с комическим азартом, взывал к украинским социал-демократам: «Покажите мне, какие тексты у Маркса оправдывают национальный сепаратизм!» Несоответствие украинских национальных домогательств постулатам ортодоксального марксизма было одним из любимых аргументов, которыми наши эсдеки пытались поразить украинских...

В конце концов из всего сказанного и спетого в эту ночь имели политическое значение только некоторые слова из речи Винниченко, которого чарующая обстановка заставила немного разоткровенничаться. Говорил он к концу вечера, на палубе, при свете луны. И вот, после неизбежных рассуждений на тему о классовом составе украинского народа, вынуждающем к некоторым отступлениям от лозунгов чистого марксизма, он перешел к характеристике отдельных течений среди украинских националистов. Тут-то с его слов мы узнали, что среди украинцев имеется течение,— и притом довольно значительное,—которое рекомендует вместо длинных переговоров с Временным правительством оголить фронт, отозвав украинцев из воинских частей. Жуткое впечатление произвели на нас эти слова... «Если Временное правительство будет продолжать упорствовать,—сказал Винниченко,—умеренные элементы украинства окажутся бессильными в борьбе против этого течения».

Около того же времени Центральная рада избрала свой исполнительный орган—«Генеральный секретариат». Хотя, по утверждению украинцев, это не было министерство, но по своей конструкции Генеральный секретариат был построен по образцу министерств и, несомненно, был предназначен для того, чтобы при первой возможности присвоить себе функции таковых. Председателем Генерального секретариата и генеральным секретарем по внутренним делам был Винниченко, генеральным секретарем военных дел—Петлюра, земледелия—Ковалевский, межнациональных дел—Ефремов¹.

На образование Генерального секретариата «Киевская мысль» реагировала громовой статьей К. Василенко под заглавием «Узурпаторы власти»...

Так все шире и шире разверзалась пропасть между Исполнительным комитетом и Центральной радой. И, наконец, приехал из Петрограда нас рассудить и примирить самый влиятельный член первого коалиционного кабинета Иракий Церетели.

В первый вечер в парадном зале дворца Церетели выступал еще до переговоров с украинцами. Поэтому он не сказал ничего

¹ Его заместителем и преемником был мой гимназический товарищ А. Я. Шульгин. Об этих главнейших фигурах Центральной рады речь впереди.

определенного по самому большому для нас вопросу. Следующий день (кажется, это было 1 или 2 июля) приехавшие министры совещались с представителями рады, и к вечеру Церетели сообщил нам о соглашении, которое было достигнуто. По этому соглашению, которое еще нуждалось в ратификации со стороны Временного правительства, Генеральный секретариат получал функции краевого исполнительного органа, а Центральная рада становилась законодательным центром автономной провинции; оба учреждения должны были быть пополнены представителями «национальных меньшинств», — в первый раз мы услышали тогда это слово. И в тот же вечер, в присутствии Церетели и Терещенко и при участии Винниченко, мы занялись конструированием поворожденной автономной Украины и ее местного правительства. Помню тяжелое впечатление, которое произвело на меня то, с какой легкостью и быстротой «отвалили» Украине десяток губерний. И помню, что уже тогда все присутствовавшие представители отдельных партий и групп явно интересовались больше всего тем, сколько мест каждая из них получит в раде...

Все киевские партии, в том числе и кадеты, одобряли достигнутое соглашение, хотя почти все смотрели на него как на неизбежное зло. Как известно, в самом Временном правительстве на почве украинского вопроса произошел тогда же кризис, и министры-кадеты (Шингарев, Мануилов и кн. Шаховской) вышли из его состава. Но дело было сделано, а последовавшее затем в Петрограде восстание большевиков, хотя оно и было подавлено, все же не могло не упрочить впечатления, что Временное правительство слишком слабо, чтобы сопротивляться украинскому сепаратизму.

В результате создавшегося у нас после отъезда Церетели нового положения, пред киевской общественностью встали новые вопросы и тревоги. В том же ночном заседании, в котором мы «скондачка» устанавливали границы будущей автономной Украины, была избрана небольшая комиссия, которой было поручено вести переговоры с радой о количестве представляемых «меньшинствам» депутатских мест. Не знаю, очень ли неискусно велись эти переговоры, но в результате различных этнографических исчислений мы получили 30% мест, а один украинец (впрочем, не очень надежный) говорил мне впоследствии, что его друзья согласились бы дать 35%. Вообще в настроениях наших революционных главарей произошел внезапный надлом. Легкомысленное пренебрежение ко всему украинскому с неприятной быстротой сменилось полной резиньяцией и сознанием своего бессилия... Едва ли было достаточно оснований для столь решительной перемены фронта, главным виновником которой я считаю бундовца М. Г. Рафесса. И я подозревал, что в то время сами украинцы еще не считали себя такими могучими и непреодолимыми, какими они вдруг представились их вчерашним господам и менторам...

Но так или иначе восемнадцать мест в раде было получено. Предстояло их распределить между всеми неукраинскими органи-

зациями и партиями. И тут, как водится в таких случаях, началась торговля, подкапывание друг под друга и интриги. Рафес, который приобретал все больше и больше значения, пустил здесь в ход всю свою энергию; и можно сказать, что утвержденное в конечном результате распределение мест было в общих чертах произведено по его проекту, причем даже случайная ошибка в наименовании одной еврейской партии перешла из его записной книжки в текст официального протокола.

Окончательная схема представительства «меньшинств» в раде, принятая на соединенном заседании Исполнительного комитета со всеми заинтересованными организациями, была следующая (воспроизвожу ее по памяти)¹:

Общероссийские организации: Исполнительный комитет—1, Совет рабочих депутатов—2, Совет военных депутатов—2, всего 5; общероссийские партии: к.-д.—1, с.-д. (меньшевики)—2, с.-д. (большевики)—1, с.-р.—2, всего—6; еврейские партии: бунд—1, объединенные социалисты—1, поалей-ццион—1, демократическое объединение—1, сионисты—1, всего 5; польские партии: демократический централ—1, П. П. С.—1, всего—2. Всего представителей меньшинств—18.

Внепартийные национальные организации—Совет объединенных еврейских организаций города Киева, Польский исполнительный комитет—были от представительства в раде отстранены.

Через несколько дней состоялось торжественное заседание рады с участием представителей меньшинств, которые, каждый на своем языке, славословили воцарившееся национальное примирение. Это последнее было со стороны украинцев ознаменовано изданием Второго универсала, в котором констатируется победа украинского движения над своими московскими супостатами.

С этого дня центр политической жизни города Киева переместился из дворца (где продолжали заседать Исполнительный комитет и советы) в Педагогический музей—место собраний новорожденного украинского парламента. Однако около того же времени возник в Киеве новый общественный центр, которому предстояло олицетворять демократическую оппозицию—сначала против рады, затем против большевиков и, наконец, против гетмана: я говорю о вновь избранной на демократических началах городской думе.

В конце июля 1917 года происходили в Киеве выборы в городскую думу, на которых фигурировали различные еврейские списки, а в следующем декабре и январе имели место выборы в еврейскую общину. Результат получился в обоих случаях весьма различный... О выборах в еврейскую общину, на которых мне пришлось занять срединную и примирительную позицию, я скажу позже: они относятся к следующей эпохе нашей революционной истории. К выборам же в городскую думу перехожу сейчас.

¹ Мною производится распределение мест в так называемой «Малой раде», о котором тогда шла речь. О Малой раде и ее отношении к пленуму Центральной рады говорится в следующей главе.

Выборы должны были происходить по новому, изданному Временным правительством, закону, на основах всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального голосования. Эта последняя квалификация—пропорциональность—была главным новшеством; она определила собой характер и результаты выборов. Согласно пропорциональной системе, предстояло голосовать не за людей, а за списки, составленные партийными комитетами, без права вносить какие-либо изменения в список в отношении имен кандидатов или хотя бы их порядка. Партии давали избирателю готовый лист, и ему оставалось только сделать свой выбор между списками различных партий.

Первые шаги пополненной представителями национальных меньшинств Центральной рады относятся к моему пребыванию в Финляндии.

«Скучно возвращаться в Киев,—писал я оттуда 15 августа,—где все с ума сошли на украинской автономии и играют в какую-то глупую оппозицию Временному правительству».

Эта «глупая оппозиция» происходила главным образом на почве составления «Инструкции Генеральному секретариату», которую Временное правительство должно было утвердить. Украинцем все было недостаточно прав, которые им уделяли; а Временное правительство, не учитывая своих сил, упорствовало ¹. Курьеры летали из Киева в Петроград и обратно, но вопрос никак не улаживался. А в это время положение Временного правительства становилось все менее и менее прочным.

Украинским националистам это было только на руку. Естественно поэтому, что делегат Центральной рады Порш требовал на Демократическом совещании ² отказа от коалиции с буржуазней и чисто социалистического правительства. Чисто социалистическое правительство означало переход власти к большевикам и советам. Оставляя у себя Центральную раду, украинцы с легкой душой рекомендовали передать общероссийскую власть в руки съезда советов, который должен был завершить разруху и распад страны. И близоруким украинским политикам казалось, что тогда-то, на развалинах России, расцветет самостоятельная Украина...

Во главе Центральной рады продолжал стоять М. С. Грушевский, во главе Генерального секретариата—Винниченко. В состав секретариата вступили отдельные представители национальных меньшинств (А. Н. Зарубин, М. Г. Рафес).

Все положение носило, видимо, временный, переходный характер.

¹ Последний министр юстиции—П. Н. Маянтович—вздумал даже привлечь Генеральный секретариат к ответственности по какой-то статье уголовного уложения.

² На Московское государственное совещание, созванное для поддержки Временного правительства, украинцы своего делегата не послали вовсе.